

ЗАПИСКИ СТАРАГО БАЗАКА.

XVI (*).

РАЗВѢДКА (**).

Собрались пластуны на линію изъ своихъ рекогносцировокъ, не принеся положительныхъ свѣдѣній изъ горъ, кромѣ незначительной добычи—поживы и нѣсколькихъ пальцевъ да ушей отъ убитой татары (***) . Тишина въ горахъ обыкновенно не предвѣщала ничего добраго, тѣмъ болѣе, что, съ появленіемъ Шейхъ-Аминъ-Магомета, горцы какъ бы усвоили себѣ новую разбойничью тактику, слѣдствіемъ которой было болѣе единства въ ихъ дѣйствіяхъ и самой скрытной осторожности, такъ что наши горскіе кунаки—лазутчики поприжали хвосты, боясь суда и расправы шейха, не любившаго шутить.... И трудно было узнать что-либо вѣрное о намѣреніяхъ Аминъ-Магомета. Прошло около двухъ недѣль, а на линіи ни одного происшествія, ни одного появленія, даже мелкой партіи....

(*) См. «Военный Сборникъ» №№ 4 и 8 1871 г.

(**) Въ былое время «развѣдка» была одною изъ трудныхъ службъ пластуна: выслѣдить и разузнать въ горахъ о намѣреніяхъ непріятеля, и если не удастся получить положительныхъ свѣдѣній отъ кунаковъ—лазутчиковъ или инымъ путемъ, то необходимо было «достать языкъ», т. е. захватить живьемъ такую личность, отъ которой можно бы было добиться толку. На развѣдку, болѣею частью, отправлялись конными, такъ какъ предстоялъ дальній путь и нужна была быстрота и внезапность какъ нападенія, такъ и ухода во-своихъ. Для развѣдки рѣдко отправлялось болѣе 3—4 пластуновъ, на самыхъ рывныхъ и сильныхъ коняхъ.

Авт.

(***) Пластунъ, убивъ горца, отрѣзывать, если было можно, правое ухо или правый большой палецъ руки, на которомъ обыкновенно носилось кольцо, смотря по состоянію, золотое, серебряное, мѣдное или желѣзное, для ввода тугихъ азіатскихъ курковъ. И за эти неопровержимыя доказательства пластуны выдавались наградами деньги. Если же удавалось убить личность повліятельную и было не такъ далеко отъ линіи, то отрубали голову и за нее нѣредко мѣнялись пѣвнишки. Чтобы не судить этого обычая строго, нужно вспомнить время, нравы и самое мѣсто разбойничьей войны съ горами.

Начальникъ линіи, В—въ, во время обѣда, разговорясь объ этой тишинѣ и о такъ сильно его озабочивавшемъ спокойствіи горцевъ, обратился ко мнѣ не съ приказаніемъ начальника, а какъ къ боевому помощнику, на котораго неразъ полагаѣлся. — «Тишина меня тревожить; она недаромъ.... Съѣзди ты самъ на развѣдку со своими Мандруйкой и Запорожцемъ—вы трое стоите добраго десятка пластуновъ». Этотъ лестный вызовъ не могъ попасть лучше въ цѣль.... И въ тотъ же вечеръ мы втроемъ были уже за Лабой. За трое сутокъ немало повымотали мы коней. Побывали въ долинахъ и въ ущельяхъ Черныхъ Горъ, среди которыхъ находились большею частью ставки шейха; побывали мы и на Терекли-ментепъ (на рѣкѣ Бѣлой, главное мѣсто судилища и сбора вліятельныхъ лицъ для секретныхъ совѣщаній); повидались тайкомъ, по условнымъ знакамъ, съ кунаками-лазутчиками; но мало узнали толковаго, а тѣмъ болѣе положительнаго о намѣреніяхъ Амина, сильно вліявшаго на умы горцевъ.... Я рѣшился послать Мандруйку пѣшимъ въ аулъ къ султану Ерыкову. Султанъ—давнишій плутяга, для котораго «бакшишъ» или «пекшешъ», т. е. подарокъ деньгами или вещью, были главными двигателями. Онъ нѣсколько разъ былъ прощаемъ и награждаемъ чинами отъ нашего правительства, и въ послѣдній разъ, до побѣга въ горы, былъ штабсъ-ротмистромъ, прикомандированнымъ къ нашей бригадѣ, и даже командовалъ сотней. Онъ меня любилъ и уважалъ по-своему, и я рѣшился положиться на него и разузнать, какъ отъ личности вполне вліятельной въ горахъ и конкурировавшей съ шейхомъ. Султанъ былъ истый прототипъ, подъ который подходятъ всѣ люди подобнаго характера. Въ этомъ атлетѣ соединялись природный умъ, удивительная смѣтливость, безумная отвага, безпримѣрная самонадѣянность, чисто-горская удача, отсутствіе всякихъ, какъ говорятъ французы, «*scrupules de conscience*», инстинктивная доброта сердца дикаря, который свирѣпѣетъ и готовъ на все, если его раздражить—сей же часъ забываетъ сдѣланное ему зло, если не видитъ сопротивленія (кстати замѣтить, что онъ воспитывался въ одномъ изъ нашихъ кадетскихъ корпусовъ, и потому былъ болѣе развитъ сравнительно съ его земляками). Отъ этой личности и отъ этой недюжинной натуры, я всегда ожидалъ всего въ большихъ размѣрахъ; вотъ почему и обратился къ нему.... Къ свѣту вернулся Мандруйко (его лично и хорошо зналъ султанъ), и сказалъ, что Ерыковъ принялъ съ благодарностью посланные ему отъ имени В—ва часы, и увидится со мною ночью

съ глазу на глазъ въ Уракаевскомъ ущельѣ, близъ Пшедаха (священное дерево).

Мѣсто было знакомое, и опасаться засады было бы смѣшно послѣ моего обращенія къ личности здѣсь обрисованной. Оставивъ товарищей—пластуновъ съ лошадьми въ лѣсу, я пробрался версты полторы кустами и густой травой и притаялся у ствола вѣковаго пшедаха. Ночь была чернѣе тюрьмы; порывистый вѣтеръ гналъ валуны тучъ, нависшихъ свинцовыми слоями и бросавшихъ мелкія дождевыя капли, проникавшія до костей, отъ которыхъ понамокнувшая бурка немного спасала... Въ темнотѣ слухъ, а неглазъ больше настроенъ, и, невольно сжимая рукоять пинжала, я ждалъ этого tête à tête.... Оноло полночи защебетала горная пурочка и, затѣмъ, три раза крикнулъ горный беркутъ: это были условные сигналы нашей встрѣчи.... Подвылъ я шакаломъ въ отвѣтъ, и такъ жалобно, что самому стало смѣшно... Вскорѣ зашелестела трава подъ осторожной, но твердой походкой, и султанъ дружески пожалъ мнѣ руку со словами: «ты все такой же, мой Аполлонъ, такой же джигать очертя голову и такой же неизмѣнный товарищъ! Что тебѣ хочется знать, спрашивай: для тебя и В—ва у меня нѣтъ завѣтнаго, нѣтъ тайны, да и что мнѣ наши шакалы и кроты, когда я уже обрусѣлъ!».... Болѣе часу бесѣдовали мы, какъ старые друзья, и много узналъ я сокровенныхъ тайнъ, ненавистнаго души султана, Аминъ-Магомета съ его клеветами, ползавшими предъ нимъ по-восточному; а, пожалуй, и по нашему, старому аярату. Тишина была недаромъ предвѣстницей того гибельнаго урагана, который едва не разразился на линіи 14-го мая 1851 года.

Аминъ-Магометъ собиралъ тайкомъ и почти въ одиночку на Мектепъ всѣ вліятельныя племенные личности, и съ ними совѣщался, о семнадцати аулахъ бесленеевцевъ, водворившихся года за три на рѣкѣ Урунѣ, пересылаясь вѣстями съ ними черезъ своихъ агентовъ. Султанъ, изъ ненависти къ Амину, забылъ недавній погромъ одного изъ его ауловъ—и рѣчь его лилась широкою горнымъ потокомъ; я не прерывалъ и далъ ему полную свободу высказаться. Всѣ свѣдѣнія, имъ сообщенныя, хотя и были положительны, однако далеко незаконченными, и, какъ видно было, Аминъ-Магометъ не довѣрялъ султану, котораго заглавно величалъ «туарекъ», т. е. вѣроотступникъ, а между тѣмъ боялся и не смѣлъ согнуть въ дугу, какъ гнулъ другихъ болѣе слабыхъ горскихъ властителей. Султанъ передавалъ свѣдѣнія не лично отъ шейха слышанныя, но, большей частью, по соображеніямъ и тѣмъ даннымъ, которыя сообщались старшинами

и князьями, приѣзжавшими къ нему на совѣтъ. Но и они хитрили передъ нимъ, что ясно видѣлъ его свѣтлый и пронизательный умъ.

Отдалъ я султану отъ имени В—ва десять тумановъ (т. е. десять нашихъ полуминеряловъ: турецкій и персидскій туманъ на наши деньги 10 руб. сер.). Дружески расстались мы, обѣщая другъ другу, при первой открытой встрѣчѣ, вѣдать ловко пулю, или пожѣряться шапкой, но, тѣмъ не менѣе, вѣсегда оставаться, какъ были, друзьями.... Запасшись, на сколько возможно было, разнородными свѣдѣніями отъ султана, такъ важными для линіи по послѣдствіямъ, я рѣшился еще попытать счастья: не удастся-ли перехватить кого-либо изъ старшинъ, князей или довѣренныхъ узденей, которыхъ личности, хотя и были намъ незнакомы, но ихъ легко можно отличить по добродушному коню, но богатому вооруженію и одеждѣ.

И съ этой цѣлью мы стравившись на поискъ и засаду на дороге на Мектепъ.... Цѣлыми сутки напраснаго ожиданія не отняли у насъ охоты поджидать и добыть языка; а какъ всему бываетъ конецъ, то и мы дождались въ награду терпѣнію.... Едва утренній розовый свѣтъ озарилъ мѣстность, мы слышали конскій топотъ: броситься занять наддорожные кусты и выправить оружіе—было дѣломъ минуты.... Черезъ полчаса, не долѣе, показались четыре вѣдника на добрыхъ коняхъ; ихъ нужно было сеадить наземь.... Насъ, правда, было только трое; но каждый имѣлъ по два выстрѣла въ нарѣзной пластунской двухстволкѣ (*). Свергнули выстрѣлы, и трое свалились, какъ снопы; четвертый, ѣхавшій поодаль, хотя сильно покачнулся въ сѣдлѣ, но, быстро справясь, полетѣлъ птицей....

Запорожецъ, какъ мысль, взметнулся на коня и бросился его преслѣдовать, а я въ-торопяхъ послалъ въ погоню пулю, но она сбила только папахъ.

Намъ было видно, какъ Запорожецъ былъ уже въ нѣсколькихъ только шагахъ отъ горца; вдругъ онъ покатился черезъ голову съ конемъ, а горецъ, безъ оглядки, оттянулъ и исчезъ за отрогой, покрытой густой листвою. Поднялся конь и казакъ и скрылись вслѣдъ за усакавшимъ....

Засада не принесла намъ никакихъ новыхъ свѣдѣній: двое были убиты наповаль, а третій, съ прострѣленной глоткой, захлебывался душивною его кровью и вскорѣ вытянулся въ предсмертной агоніи....

(*) По образцу превосходныхъ бельгійскихъ стволовъ, В—въ заказалъ въ Туль нѣсколько стволовъ, собственно для пластунствъ, въ осадкѣ по азіатскому образцу съ примыкающимъ длиннымъ кинжаломъ-штыкомъ, и дарилъ ихъ, какъ награду, болѣе отличавшимся на пенскахъ за Лабой.

Половина ми ихъ воеи, выбрали лучшее оружiе, станчили группы съ дороги въ кусты, жвабросали и позатерли немногъ кровь—и пустились по сакмѣ за Запорожцемъ. Такъ мы проѣхали версты четыре или версты пять и встрѣтили нашего хлопца съ запятойся отъ крови рыжей бородой и съ подбитымъ глазомъ, слѣдствiемъ наденiа. Она щедро награждалъ кони всевозможными впитетамъ, доставшимися ему по наслѣдству отъ его предковъ изъ Свѣи, за то, что бѣдлага такъ не во-время и неловко споткнулся о пенъ или камень, а между тѣмъ горецъ провалялся точно сквозь землю.... О разбитой рожѣ и пемину не было, да и стояло-ли обращать на это вниманiе, когда спрявшiйся горецъ открылъ насъ, и всѣ окрестные аулы и кони пустуютъ на ровнѣхъ... Остоятельствъ это было не шучочное: приходилось, быть можетъ, поплатиться головой.... Нужно было срычь свою сакму, и мы, посоветывавшись, рѣшили переимать за Бѣлу и, по устью притока Ендрюкъ, проѣхать водою до шавдона, т. е. большаго топлаго болота, чтобы горскiя охотничьи собаки, поприученныя къ отысканiю слѣдовъ, сбидись съ толку; а что собаки будутъ въ коду, мы уже это неразъ испытали, зная, что и самая погоня была неминуема и неизбѣжна. Ускользнувшiй отъ нашихъ лапъ горецъ въ первомъ же аулѣ подыметъ тревогу—и закннеть потѣха....

До ночи намъ удалось ловко скрывать свой слѣдъ, и Мандруйко, въ теченiе дня не разъ набѣзая на деревья или на вучи, видѣлъ поговю за нами.... Благодаря только этикъ наблюденiямъ, мы ускользали отъ зоркости горцевъ и чутья ихъ псовъ. Да! истинно безцѣнное сокровище такой пластунъ, какъ мой паставникъ: оказалось, что Мандруйко, за рѣкой Бѣлой, такъ же хорошо зналъ мѣстность, какъ свою хату. Мы перешагнули Бѣлу ниже версты тридцать. Наши лошади (мы ихъ сберегали и ѣхали больше на отбитыхъ), оживившись надеждой возвратиться домой, и мы ѣхали такъ скоро, что, менѣе чѣмъ черезъ часъ, прибыли къ Майкопскому ущелью.

Луна закатилась; небо смѣнѣло; мы ощущали то чувство безопасности, которое находишь въ защитѣ мрака и уединенiа.... Начали взбираться, шагомъ, на откосъ, когда Мандруйко, съ которымъ я спокойно разговаривалъ, дотронулся до руки моей, чтобы заставить меня замолчать, и шеннулъ мнѣ:

— «Подывитесь у гору....», т. е. наверхъ.

Нѣсколько черныхъ тѣней обрисовывались на небѣ возлѣ скалъ ущелья, въ самой серединѣ дороги, по которой мы должны были ѣхать.

Мандруйко ни минуты не колебался, на что съѣдовало рѣшиться намъ; не теряя времени на объясненія, онъ сказалъ мнѣ:

— Поѣжайте за мной (*).

Повернувъ лошадь, Мандруйко выѣхалъ на долину, разстилавшуюся крутымъ сватомъ справа отъ насъ. Мы ѣхали по тѣмному рубежу ея врачней массы и поравнялись съ полуразрушеннымъ кошемъ.

— «Остановимся здѣсь», шопотомъ сказалъ мнѣ Мандруйко. «Здѣсь много такихъ кошей. Я знаю, что вотъ этотъ давно брошенъ. Мы не войдемъ туда, а то, пожалуй, наварюкомъ наткнемся. Если эта татарва тамъ, наверху, не видела насъ, все пойдетъ хорошо: намъ сейчасъ можно будетъ проѣхать долину. Если же они видѣли насъ, станемъ наблюдать за ними, чтобы играть съ ними въ гулючки.

— Наблюдать, мнѣ кажется, трудно въ такой темнотѣ.

— Когда нельзя дѣйствовать глазами, надо дѣйствовать ушами. Будемъ молчать и слушать. Потерпимъ съ полчаса, и узнаемъ что дѣлать.

— Но лошади измѣнять намъ, или помѣшаютъ слушать?

— Знаю.... Посмотрите что мы дѣлаемъ съ Запорожцемъ: сдѣлайте то же.... Вотъ возьмите ремешекъ.

Я, какъ и Мандруйко, скрутилъ верхнюю губу коню ремешкомъ и коротко привязалъ къ дереву.

Я прежде видалъ, какъ прибѣгаютъ къ этому способу съ намѣреніемъ довести до неподвижности самую горячую лошадь: въ такомъ положеніи, животное, которому каждое движеніе причиняетъ боль, можетъ дышать съ трудомъ.

Осужденный добровольно на такое же молчаніе и на такую же неподвижность, къ какимъ я принудилъ моего коня, я, кажется, страдалъ не менѣе чѣмъ онъ. Трудно представить себѣ, какъ стѣснительно и случайно уничтожаться такимъ образомъ, чтобы избавиться отъ опасности, съ которой гораздо охотнѣе ждалъ бы встрѣтиться лицомъ къ лицу. Мандруйко слушалъ и подстерегалъ. Стоя противъ него, я видѣлъ, какъ его маленькіе, круглые глаза, изъ-подъ нависшихъ бровей, сверкали во мракѣ, будто глаза кошки или волка.

Довѣріе, внушаемое опытностью Мандруйки, успокоило мою раздражительность. Стоя облокотясь на сукъ дерева, я не чувство-

(*) Весь нашъ разговоръ съ Мандруйкой передаю, для большей ясности, на великорусскомъ нарѣчьи, а то его языкъ для многихъ былъ бы мало понятенъ и черезъ то многое потерялось бы въ его значеніи и смыслѣ.

валъ, какъ вздремнулъ, утомленный долгой бессонницей. Меня разбудилъ Мандруйко, положи руку на плечо.

— «Неужели вы спите?» шепнулъ онъ. «А я не былъ такъ спокоенъ, и чуть не перелекался! Мнѣ вдругъ показалось, что будто близъ меня стоитъ татарва, а это былъ вотъ этотъ чортовъ пень, котораго я прежде не замѣтилъ.... А тутъ еще что-то пробѣжало недалеко отъ ногъ—вѣрно звѣрюшка.... Теперь я увѣренъ, что мы обманули татарву, или она не примѣтила насъ. Кругомъ не слышалось ни малѣйшаго шороха».

— Ну такъ веротимся на дорогу—и гайда сами на поискъ!

— О нѣтъ! навѣрно дорога занята, хотя я ничего не слышу пока.

— Ну такъ какого же чорта мы будемъ здѣсь ждать?

— «Поѣдемте», сказалъ Мандруйко, еще послушавъ; «погода прояснится на разсвѣтѣ: воспользуемся остаткомъ ночи и тумана, чтобы пробѣжать равнину. На этотъ разъ мы пробѣдемъ позади ущелья: это будетъ дальше, но вѣрнѣе».

Мы пробѣжали по равнинѣ на перерѣзъ, но едва сдѣлали сотни двѣ шаговъ, какъ раздался выстрѣлъ и мимо моего уха пресвистѣла пуля.

— А это что? спросилъ я Мандруйку, который остановился съ удивленіемъ.

— Извѣстно пуля, отвѣчалъ онъ: выстрѣлъ изъ-за этого куста. Онъ видѣлъ насъ—поскачемъ зигзагами.

— Нѣтъ! бросимся въ кусты и покончимъ съ негодеемъ.

— А если ихъ цѣлая партія? Вы видите, что это только начало.

Точно, выстрѣлы преслѣдовали насъ, хотя и не одинъ за другимъ, какъ барабанная дробь, но довольно часто.

— «Сверный горохъ!» замѣтилъ Мандруйко, остановясь въ нерѣшимости:—«онъ сыплется изъ кустовъ передъ нами. Научилась поганая татарва, какъ надо дѣлать засаду.... Поскачемъ! Они скорѣе слышать насъ, чѣмъ видятъ, и метать на удачу. А то пришлось бы намъ плохо».

Мы поскакали опять; но вдругъ Мандруйко остановился, и одинъ изъ отбитыхъ нами коней, котораго онъ велъ въ заводу, покотился безъ жизни.

— «Мы окружены со всѣхъ сторонъ!» сказалъ Мандруйко:—мы попали въ кучки кустовъ, гдѣ для разбойниковъ гораздо удобнѣе, чѣмъ для насъ. Надо драться.... Ну, что же! Подеремся съ помощью Бога! Вѣдь не въ первый разъ.... Слѣдуйте за мной!»

Мандруйко опять смѣло бросился скакать, взявъ отъ Запорежца

изъ двухъ одного заводнаго коня взаимнѣ убѣтаго, и, среди свистѣвшихъ пуль со всѣхъ сторонъ, кинулся за изгородь моча, такую же развалину, за которой мы прежде укрывались, и откуда раздавался лай собаки.

— Что дѣлать? продолжалъ Мандруйко. — Вотъ именно то, чего я опасался! Мы наткнулись еще на засаду, и здѣсь, пожалуй, стануть стрѣлять. Не знаю, много-ли ихъ, или только одинъ-два: попались въ ловушку....

Но Запорожець, до сей поры не проронившій пѣчки ни одного словечка, и, какъ видно, вполне одобрявшій всё распоряженія Мандруйки, разрѣшилъ задачу. Онъ своими рысьими глазами рассмотрѣлъ близость густаго лѣса.

«Лѣсъ передъ носомъ, чего будемъ звать!» И, не ожидая возраженій, пустился въ скакъ, а мы за нимъ.... Нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ проводили насъ.... Благодаря зоркости Запорожца, мы были въ лѣсу, закрыты отъ выстрѣловъ, и избавились преслѣдованія горцевъ, какъ видно бывшихъ пѣшими въ засадѣ. А что будетъ впереди, то Богъ дастъ!

Больше часу—или намъ такъ показалось—мы пробирались по трущобамъ, переѣхали какіе-то два протока, и блестящій утренній свѣтъ обнѣилъ насъ на высотѣ, окруженной густымъ лѣсомъ. Осмотрѣлся Мандруйко, немного сконфуженный и молчавшій все время нашего бѣгства, хотя и неславнаго, да за то здраваго, и сказалъ:

— Толку будетъ мало, если мы еще останемся въ горахъ. Мы открыты и языка не достанемъ, а, пожалуй, поглатимся головами... Надо вернуться домой, и если вы согласны, то въ ночи мы дома.

Противъ этой логики возражать было бы нехѣлю. Коня наши притупѣли за шесть дней, не выходя изъ-подъ сѣдла, голодая и перѣдко цѣлый день оставаясь безъ воды. Да и мы, питаемся почти одной «настройой», т. е. вяленымъ мясомъ, да чарной-другой горилки почти безъ сна, тоже крѣпко повибилились изъ силъ. Рѣшили: возвратиться на линію.

Я разсказалъ эту развѣдку съ большею частью ея подробностей, желая познакомить читателей съ дѣйствіями пластуновъ въ землѣ непріятеля, гдѣ, правду сказать, они лучше хозяйничали, чѣмъ въ своихъ собственныхъ домахъ.

XVII.

СМЪКАЛКА.

Четырнадцатилѣтній казаченокъ, Васютка Смяровъ, сынъ вой-

своё старшинство, теперь уже самъ есаулъ, какъ недавно случайно я прочелъ въ высочайшихъ приказахъ, при водвореніи станицы Урупской былъ посланъ отцемъ съ драбантомъ (*), на двухъ парахъ воловъ, за нарубленнымъ лѣсомъ для постройки.

Близость лѣса, и, повидимому, тишина на новой линіи, да наше неизмѣнное «авось и сойдемъ», нашедшія мѣсто и на Лабѣ, были причиною чуть было не потери старникомъ сына, не говоря уже о быгахъ.

Драбантъ принялся съ парой воловъ за тягу бревенъ, а «Васютка», съ гармоникой, усѣлся у повозокъ, поставленныхъ на полянкѣ, и такъ углубился въ свои импровизации, что замѣтилъ только тогда съ десятокъ горцевъ окружившихъ его, когда двое изъ нихъ принялись вязать ему руки назадъ....

О сопротивленіи и подумать было некогда. Пришлось хлопцу съ парой воловъ раздѣлать одну долю и идти на поводку, какъ на намыгачѣ...

Такъ они прошли съ утра до заката, вверхъ по Урупскому лѣсу, до Тегеня. Утомленный, голодный мальчуганъ уже падалъ отъ усталости, но не терялъ бодрости духа и казацкой отваги.

Остановившись горцы на раздыхъ, развели огонь, считая себя вполне безопасными отъ преслѣдованія, принялись за чурекъ и жареное просо (**), чѣмъ угостили и цѣлника, развязавъ ему руки.

Гармоника занимала горцевъ, даже во время пути, несмотря на то, что могла ихъ выдать; но нестройные ея звуки, въ непривычной рукѣ, только развадоривали дикарей. И вотъ они на привалѣ взялись за гармонику, а все складу и ладу нѣтъ, даже для ихъ негармоническаго уха... Не выдержалъ артистъ Васютка, схватилъ гармонику — и лезгинка стройно и звучно огласила ночную тишь и глушь лѣса. Не выдержали горцы звуковъ новаго Орфея — и принялись выплясывать.... А Васютка, хотя и увлекся своей музыкальной страстью, но смутная мысль уже бродила о свободѣ и молодая голова работала о планъ побѣга.

Далеко за полночь Васютка потѣшалъ своимъ искусствомъ, то

(*) Драбантъ—это казакъ-девшикъ. Драбанты поступали по взаимному соглашенію и имѣ, за каждый годъ драбантства, давалось два года льготы отъ всякой службы. Откуда явилось это названіе, надо искать у стараго казачества.

(**) Горцы, отправляясь въ набѣгъ и на поживу, большею частію брали съ собой для пищи жареное просо въ бараньемъ курдючномъ салѣ, до того соленое, что довольно его было горсти, чтобы только пить, а ѣсть уже не захочешь. Вообще воздержность черкесовъ изумительна и рѣдко кто перенесетъ такъ терпѣливо голодъ; за то, когда предстоялъ случай поѣсть, такъ тоже немногіе посостязаются съ ними.

наигрывая всевозможныя знакомыя ему плясовыя пѣсни, не исключая и камаринской, которая крѣпко пришлась по вкусу горцевъ, то acompанируя чистому и звучному голосу, напѣвая родимой Малороссіи, или повторяя безмысленныя импровизаціи горскаго пѣнія (*); то передразнивая армянъ и грузиновъ, коверкая слова, какъ они говорятъ по-горски или по-русски.... Эта потѣха привела горцевъ въ такой восторгъ, въ такое веселое настроеніе духа, что они съ Васюткой обращались уже какъ съ пріятелемъ, угощая его всѣмъ, что только было у нихъ лучшаго въ запасѣ.... Такая гармонія отъ «гармоніи» и отъ таланта Васютки породила между нимъ и горцами полное довѣріе. Надѣлили они его и лаской, и добрымъ словомъ; наконецъ, утомленные пляской и нахохатавшись до судорогъ, все еще подъ вліаніемъ веселаго разгула, заснули не связавъ плѣнника. Этого-то и было нужно Васютѣ.... Притворился онъ крѣпко спящимъ, а самъ полуоткрытыми глазами зорко слѣдилъ за караульнымъ у костра, сидѣвшимъ къ нему спиной.... Улучивъ время, онъ ловко вынулъ кинжалъ изъ ноженъ у сильно храпѣвшаго бей-гуша, т. е. бѣдняка, ужакой подползъ къ караульному и, поднявшись за нимъ на колѣна, съ размаха всадилъ по рукоятъ кинжалъ.... Ударъ былъ такъ ловко нанесенъ, что горецъ, не пикнувъ, упалъ лицомъ въ огонь.... Обобравъ осторожно Васютка то оружіе, какое только можно было взять у крѣпко-спавшихъ, и, вооруженный съ ногъ до головы, осторожно пробрался въ лѣсную чащу....

На другой день къ вечеру Васютка былъ дома съ своей дорогой гармоникой и съ трофеями своей ловкой *смѣлки*. Обрадовался старикъ-батько возвращенію любимаго сына, и задалъ пирушку, на которой «расходился старый», по казачьему завѣту.

ХVІІІ.

НА РУБЕЖЪ ЛѢСА.

Новозасовская станица была водворена на Лабѣ, въ 25-ти верстахъ выше Лабинской. Въ составъ ея жителей поступили, большей частью, женатые солдаты кавказскаго корпуса, прослужившіе не менѣе пяти лѣтъ, да изъ внутреннихъ бригадъ войска бѣднѣйшіе казаки и нѣсколько семействъ съ Дона. Эта станица, какъ и Родниковская, Курганная, Темиргоевская и Новолабинская, вошла въ составъ

(*) Вообще у горцевъ почти нѣтъ своихъ народныхъ пѣсень; они поютъ какую-то безсвязную импровизацію, составляемую изъ видимыхъ и окружающихъ предметовъ, напримѣръ: «ты, добрый господинъ, подаришь мнѣ деньги; день сегодня свѣтлый, конь твой вороной» и проч. Однимъ словомъ, причитаютъ все, что попадетъ на глаза или взбредетъ на мысль. *Пр. аст.*

№ 2-го Лабинскаго казачьяго ибшаго баталіона, только что тогда формировавшагося по образцу № 1-го кавказскаго казачьяго баталіона (1-й кавказской бригады нашего войска).

Начальникъ линіи, В—цкій, передъ вечеромъ выѣхалъ изъ Лабинской, взявъ съ собою все свое дежурство, чтобы, переночававъ въ Новосасевской, проѣхать прямо въ крѣпость Прочный Окопъ къ начальнику фланга, генералу Евдокимову (нынѣ генераль-адъютантъ и графъ).

На линіи, по видимому, было спокойно; о неприятель не было положительныхъ вѣстей, и В—цкій еще съ вечера развѣщилъ жителей поѣзку за Лабу въ дѣсь (объ этомъ распоряженіи я узналъ отъ урядника утренняго развѣзда). Ложная тишина обманула жителей—повичковъ, усердно и радиво принявшихъ за новое хозяйство, на обзаведеніе котораго были отпущены достаточныя суммы и отъ войска, и отъ казны. Они разбрелись съ подводами въ разсыпную, выбирая, гдѣ кому попригоднѣй показалось хорошее строевое дерево.... Прикрытіе, рота пѣхоты и сотня 3-й кубанской бригады, подъ командой войскаго старшины, султана Брмичъ-Гирея Чангисъ Хана, забралось подъ тѣнь, въ холодохъ дѣской чащи, и, полагаясь на спокойное положеніе линіи, безопасно расположилось безъ всякихъ особыхъ предосторожностей отъ внезапнаго нападенія. За что дорого заплатились и войска, а, главное, бѣдныя жители....

Вскорѣ по отъѣздѣ В—цкаго, ко мнѣ пріѣхалъ поручикъ милиціи Али-бей, посланный начальникомъ фланга для собранія свѣдѣній въ горы. Онъ остановился у меня и просилъ передъ свѣтомъ велѣть проводить его черезъ секреты за Лабу. Распорядясь этимъ съ вечера, я спокойно заснулъ, простясь съ Али-беимъ, котораго инстинктивно крѣпко не долюбивалъ....

Часу въ одиннадцатомъ утра зашелъ ко мнѣ подполковникъ Прушинскій (Ставропольскаго егерскаго полка), и мы, весело болтая и закусывая, любовались привезеннымъ мнѣ пластунами подаркомъ: дорогой и великолѣпно-оправленной винтовкой, добытой ими въ горахъ.... Болѣе семидесяти конныхъ пластуновъ собрались въ ночь съ низовыхъ повсковъ, и я распорядился хорошенько угостить ихъ за подарокъ. Кони ихъ были привязаны къ забору моего сада, а казаки хлопотали на дворѣ около котловъ съ горилкой и съ чихиремъ.... И уже не одна удаляя пѣня огласила станицу. Ко мнѣ собралось нѣсколько офицеровъ пѣхоты, нашихъ и донцевъ.... И, пожалуй, мы бы на просторѣ кутнули на широкую ногу.—Да чортъ-ма!....

Въ самый полдень раздалась орудійные выстрѣлы съ верку Лабн

отъ Новосасовской и повторилась съ нашей угловой батареею.... Съ вышекъ надъ моими воротами и у дома начальника линии свергнули выстрѣлы и взвились на флажкахъ красные флаги. Затрещали тревожные перенаты барабановъ и сигнальныхъ трубъ.... Станица встрепенулась, и весь резервъ быстро выступилъ за станицу подъ командой командира 2-го коннаго полка, подполковника Бетларова, стараго боеваго казака.

Бросились къ конямъ brave пластуны, опрокидывая котлы съ недопитой водкой и чахиромъ, и стройно выстроились у воротъ.... Шабашъ только что начинавшейся пирушки!... Ногу въ стремя—и мы пронеслись во всё повода мимо отряда стараго Бетлара, которому я крикнулъ, что переправляюсь за Лабу и той стороною поскачу.... Онъ въ отвѣтъ только махнулъ папачомъ въ рукѣ, что, по нашему, значило «ступай съ Богомъ»!...

Вода въ Лабѣ была невысока и мы, проскакавъ версты четыре отъ станицы, переправились на ту сторону ея, чтобы выиграть въ разстояніи, такъ какъ съ этого брода Лаба поворачивала дугой до самой Новосасовской. Скрытые мѣстностью, мы скакали, лишь изрѣдка поддерживая на поводахъ коней, чтобы дать перевести духъ. Выстрѣлы все звучѣе и чаще раздавались по лѣсу.... И какъ только выскакали на поляну, противу которой рубили лѣсъ, намъ представилась вся картина отчаянной и почти одиночной обороны жителей, неуспѣвшихъ собраться вмѣстѣ для отпора натиска превосходящаго ихъ численностію неприятеля. Однако кое-гдѣ успѣли уже составить каре изъ повозокъ и отчаянно отбивались.... Вездѣ сверкали выстрѣлы и работали штыки или приклады и шашки. Ближе всѣхъ къ намъ старый кавалеръ, урядникъ Христенко, бывшій унтеръ-офицеръ Эриванскаго Его Императорскаго Величества полка, окруженный нѣсколькими конными джигитами, тѣснившими его со всѣхъ сторонъ, такъ ловко работалъ штыкомъ, что пока успѣли броситься къ нему на выручку съ десятокъ моихъ пластуневъ, онъ уже успѣлъ двоихъ сбросить на землю а третьяго опрокинулъ съ конемъ. Примкнули мы къ кубанцамъ, оттѣсненнымъ отъ мѣста рубки джигитовавшими горцами, не пускавшими ихъ изъ лѣса, встрѣчая каждый разъ дружными залпомъ и шашками, тогда какъ другая часть партіи пала на рубившихъ въ лѣсу жителей.

Дружная атака пластуневъ, прорвавшихъ, какъ бурный потокъ, массу горцевъ, не выпускавшихъ кубанцевъ изъ лѣса, озадачила ихъ, а вслѣдъ за тѣмъ дружная атака вмѣстѣ съ кубанцами заставила неприятеля дрогнуть и повернуть коней на уходъ, отбиваясь

выстрѣлами и въ шапки. На пластуны, какъ клопцы не поднимавшіе «шартовъ», не дали нить образумиться и собраться въ кучу: они гнали ихъ, усиленно ранили трунами.... Кубанцы, увлеченные приборокъ, отважно бросались въ схватку и ловко съ размаха работали шаншой. Пѣхота проводжала ихъ смущая батальоннымъ огнемъ, который, правду сказать, немного нанесилъ вреда. Дѣсь, на мѣстѣ рубки, было очевидно отъ горцевъ.

Переговора съ Чынгисъ-Ханомъ и предоставилъ ему распоряжаться выстрѣль съ пластунами преслѣдовавшими сѣбѣго неприятеля, я оставался на курганѣ недалеко отъ дѣса. Черный съ бѣлой по краямъ тесьмой и съ красной по серединѣ адиамовой головой—значокъ пластуновъ—держалъ около шеи пластунъ, урядникъ Мезенцовъ; сзади меня стояли штабъ-трубачъ Ронининъ, да мой бригадный писарь Борисенко. Мы такъ были заняты, забудясь движущейся манороной бой, что не замѣтили, какъ изъ дѣса вдругъ выскочило человекъ пятнадцать горцевъ и далеко впереди ихъ летѣлъ Али-бей!...

Подскакавъ къ намъ на выстрѣль, онъ, дѣлая широкой вольтъ, крикнулъ мнѣ: «Ала саксетимъ, сартенъ ямаръ глуръ» (самая пошлая брань горцевъ)—«угуену же я тебя сатана, ти вездѣ посибешъ съ своими дьяволами». И выстрѣль сверкнулъ, но попалъ не въ меня, а въ значокъ.... Обернулся я къ Мезенцову, указавъ рукой на Али-бейку, и сказалъ: «Чертовъ нусть, чего зѣваси?» Раздался выстрѣль—негодяй повисъ, зачухавшись ногой въ стремяни.... Бѣшеный конь помчалъ его назадъ.... Горцы было бросились къ нему; но въ это время ружей двадцать ударили съ боку изъ дѣса — и они пустились на уходъ по слѣдамъ своихъ земляковъ, швыряя по кустамъ. Неймалъ Борисенко зояя Али-бей, и когда освободилъ его ногу изъ стремяни, онъ былъ еще живъ и клалъ меня, на чашъ стоять свѣтъ.... Я приказалъ бросить, не трогая поганатаго оружія немѣнника, дерзнувшаго подводить партію и стрѣлять въ своихъ, за то, что прирѣбли эту гадану—вытащилъ изъ драни.

Впоследствии оказалось, что Али-бей, когда былъ у меня, то вскорѣ пополуночи разбудилъ моего дежурнаго урядника, и, какъ было велѣно, переправился за Лабу. Гдѣ онъ провелъ цѣлую ночь, неизвестно; но утромъ, часу въ восьмомъ, онъ былъ въ Новосасосовской у Чынгисъ-Хаѣна, который спрашивалъ его о новостяхъ въ горахъ: Али-бей завѣрять о совершенномъ затымѣ за Лабой. Что онъ подвелъ партію, сомнѣваться было нечего изъ самой его выходни со мной, да и лазутчики подтвердили о давнемъ его заговорѣ съ шейхомъ давать знать, гдѣ и чѣмъ можно поживиться на лѣни....

Часа черезъ полтора собрались все пластуны и вернулась кубанская сотня изъ преслѣдованія, и я попросилъ ротнаго командира пѣхоты, штабсъ-капитана Подопригору, заняться укладкой на подводы нашихъ раненыхъ и убитыхъ и отправить ихъ въ станицу.

Едва мы съ пластунами переправились черезъ Лабу, противъ станицы, какъ встрѣтилъ В—царю съ его дежурствомъ и 5-й урупской сотней. Онъ былъ уже близъ Урупской, когда услышалъ тревожные выстрѣлы въ Новосассовской и возвратился, полагая еще застать дѣло и посидѣть во-время на выручку; но тридцать семь верстъ не перелетитъ птицей на усталыхъ коняхъ—и прибылъ когда уже было все покончено.

Искренно поблагодарилъ онъ меня и Чингисъ-Хана за выручку жителей и наказаніе партій. Мы отправились въ станицу.

В—царю, сдѣлавъ нужныя распоряженія, простился, сказавъ, что ѣдитъ съ урупской сотней, а дежурство свое велѣлъ распустить до возвращенія своего изъ Прочнаго.

За это дѣло я получилъ «признательность» свѣтлѣйшаго наместника, объявленную въ приказѣ по корпусу. Пластунамъ дано пять знаковъ отличія военнаго ордена и два знака кубанцамъ. Жители, болѣе потерпѣвшіе, получили денежныя награжденія.

Потеря наша, на этой несчастной рубкѣ дѣла, была до 50 человекъ убитыми, да до 70 ранеными. Непрительскихъ тѣлъ, включая Алабейкина, притащили въ станицу около 40, и захвачено болѣе 30 лошадей. По числу тѣлъ и отхваченныхъ съ боя вещей, мы вѣрно опредѣляли потерю непріятеля: настоящая цифра составила, безъ донесенія лазутчиковъ, о великомъ урогѣ въ сборищѣ до 500 джигатовъ, какой они понесли, и смерть погибшихъ въ бою «добро» была отъячена пластунами.

Надо сказать, что какъ только дрогнули горцы на мѣстѣ схватки, я въ то же время послалъ кубанскаго урядника попросить подполковника Котлярова вернуться вмѣстѣ съ владимірской сотней, если она къ нему примкнула; въ томъ вниманіи, что Родивковская станица, ниже Лабинской въ 11 верстахъ, тамъ же была на рубкѣ, и другая партія могла очень легко появиться такъ же неожиданно.

Утромъ возвратились мы въ Лабинскую. Пластуны, получивъ отъ казначея свое довольствіе, отправились кому куда указала надобность. Трехъ тяжело-раненыхъ помѣстили въ госпиталь, а четверо выпросились лечиться дома. Благодаря Бога, все выздоровѣли, и еще съ большою охотою продолжали охоту за татарвой.

XX.

ВЪ ГЛѢЦѢ.

За отсутствіемъ названнаго атамана, князя Эрнстова, начальнигъ войсковаго штаба, полковникъ Мейеръ, желая очистить вакансію по войску, предложилъ командиранъ бригадъ войти къ нему съ представленіемъ объ отставкахъ тѣхъ офицеровъ войсковаго сословія, которые, прослуживъ по положенію 25 лѣтъ въ строю, не приносятъ существенной пользы службѣ. Мѣра эта, конечно, была не только несправедлива, но и преждевременна (потому что въ то время у насъ не давался пенсіонъ за выслугу лѣтъ, да и за раннѣе кто получалъ), а односторонность ея, давая мѣсто полному произволу и прихоти по одной личности, лишала войско старыхъ его представителей, посвятившихъ, хоть и безсознательно, лучшіе годы и потративъ силы на боевой службѣ: они должны были оставаться въ отставкѣ безъ куска насущнаго. Мѣра эта была причиною и поведомъ не одного промшества, горько отозвавшася по послѣдствіямъ.

Въ числѣ немногихъ личностей въ нашей бригадѣ попалъ подъ эту категорію старый хорунжій П—въ—личность, въ былое время, замѣчательная по своей отвагѣ и полной приключеніями жизни. Умный и смѣливый, хотя и большой руки плутъ, но и съ сѣдной все еще отчаянная и неугомонная голова, не вынесъ оскорбленія, и изъ мести бѣжалъ въ горы. Горцы, наученные опытомъ, вообще не довѣряли бѣглецамъ, видя въ нихъ лазутчиковъ и соглядатаевъ—переметчиковъ, и только тогда вѣрили русскому бѣглому, когда онъ представлялъ неопровержимые доводы своей измѣны, а для этого надо было подвести партію и убійствомъ и грабежомъ своихъ заручить себя. П—въ хотя съ давняго времени имѣлъ немало въ горахъ кунаковъ, подобныхъ же плутовъ, какъ самъ, но все таки долженъ былъ заявить себя злодѣяніемъ измѣнника. Черезъ три или четыре дня, послѣ побѣга, онъ подвелъ партію и ночью ограбилъ за станціей мельницу, убивъ мельника, недалеяго своего родню. Это было началомъ его мести. На мѣстѣ бывшаго Родниковскаго поста строилась новая Родниковская станція. Ровъ съ трехъ сторонъ отъ Лабы и кругомъ палисадъ съ батареями уже были сдѣланы, а жители строили и дѣлили свои незатѣйливыя жилища; но не было еще ни одной оконченной хаты. Три роты Ставропольскаго егерскаго полка, два орудія подвижной гарнизонной полуроты и полсотни донцевъ составляли гарнизонъ станціи. Войска была расположена на станичной площади,

въ балаганахъ изъ хвороста и камыша; лошади, какъ строевые, такъ и артельные, были на коновязи, растянута въ параллель за ливней балагановъ. День былъ воскресный. Большая часть новопоселенцевъ отправились на ставропольскую и другія ярмарки, или за семействами, такъ что только почти одни войска составляли наличныхъ обитателей станицы. Начальникъ отряда, маіоръ Г—фъ, желая вознаградить себя за хлопоты и скуку рабочихъ дней, отправился въ станицу Михайловскую, передавъ начальство капитану Д—скому, а этотъ думалъ, думалъ, да передалъ брату своему, штабсъ-капитану Д. И такъ шла передача между всѣми ротными офицерами, отправлявшимися въ смежныя станицы; всѣ разбрелись; передача остановилась на прапорщикѣ Щ—скомъ. Ставъ главнымъ военачальникомъ, онъ первое вступленіе свое ознаменовалъ милостію. Призвавъ фельдфебелей и каптенармусовъ, приказалъ отпустить чинамъ, вмѣсто одной, по двѣ чарки, причемъ, конечно, не забылъ и своей ливниной доли и почилъ вмѣсто лавръ на сѣнѣ, покрытомъ буркой... П—въ, какъ страстный охотникъ, отлично зналъ мѣстность обѣихъ сторонъ Лабы. Бывъ же, въ длинный періодъ своей службы, воинскимъ начальникомъ, станичнымъ и сотеннымъ командиромъ, зналъ всѣ выходы и уходы нашихъ кордонныхъ порядковъ, не хуже какъ и всѣ частныя грѣшки... А тутъ еще былъ расчетъ на помощь семьи, жившей въ Михайловской, и нельзя строго судить, если его семья была тайкомъ въ сношеніяхъ съ ними. Дѣло понятное: свой своему по волю другъ!....

Въ новой станицѣ ожидали сотню съ Кубани на сѣнѣу донецъ. П—въ в это узналъ... И вотъ, часу въ пятомъ пополудни, онъ, надѣвъ форменную черкеску съ эполетами, съ партіей человекъ въ полтора-ста, закрытый лѣсомъ, переправился Лабу. Съ развернутымъ значкомъ, въ порядкѣ похожемъ на казачій строй, П—въ пошелъ прямо по дорогѣ къ станицѣ. Донской пикетъ, стоявшій верстахъ въ двухъ, видя офицера въ формѣ и ожидая сотни съ Кубани, не потревожился. П—въ самъ сдѣлалъ маякъ; донцы, въ простотѣ сердечной, отдали отвѣтъ. Подошла мнимая сотня, окружила пикетный курганъ. П—въ закурилъ трубку, а бѣдные неопытные донцы заплатили жизнью за свою довѣрчивость и оплошность... Три горца переодѣлись въ шинели убитыхъ и, съ пиками въ рукахъ, поѣхали впереди партіи, изъ которой три джигита заняли наблюдательный постъ. Житель-казакъ, стоявшій на часахъ у рогатки, замѣнявшей пока ворота, видя донцовъ и офицера, отступилъ ее... и мнимая сотня вошла въ станицу, а бѣдный часовоі, заколотый винчаломъ, сброшенъ въ

ровъ.... Часть горцовъ бросилась на коновязь; остальные, опрокинувъ ружья, стоявшіа въ возлахъ передъ балаганами, вытянулись въ линію, прицѣливаясь въ выглядывавшихъ изъ нихъ солдатъ и донцовъ, чѣмъ заставляли ихъ прятаться какъ сурковъ въ норку.... П—въ узнавъ, кто такой бдительный начальникъ отряда, войдя къ нему въ палатку, засталъ Щ* спящаго сномъ неповиннаго младенца, отпустилъ ему десятокъ—другой горячихъ плетей, приговаривая: не упиwаться тельцомъ, а помнить свою обязанность—и бросилъ его, не удостоив даже взять въ плѣнъ. Между тѣмъ, партія захватила въ станицѣ что попало наскоро подъ руку, и порубивъ челоуѣкъ съ пягъ жителей, задумавшихъ взяться за оружіе, забравъ около сотни лошадей, повывбравъ въ одномъ зарядномъ ящикѣ спарады, захвативъ нѣсколь-ко донскихъ ружей, безнаказанно переправилась за Лабу.... Ошеломленный и растерявшійся отрядъ, и въ главѣ его Щ*, вѣроятно считая все случившееся тяжелымъ кошмаромъ, не скоро опомнились и подняли тревогу выстрѣлами съ батарей. Пока прибыли резервы со смежныхъ пунктовъ, наступила ночь.... Здѣсь П—въ пощадилъ оплошность, или совѣсть въ немъ заговорила, или онъ спѣшилъ скрыться безнаказанно; но зло имъ сдѣланное было несправимо и горцы вострепенулись.... Удача, въ первый разъ съ водвореніа линіа, побывать въ станицѣ, и побыветь безнаказанно, ограбивъ ее... этого не удавалось и отважнѣйшимъ ихъ предводителямъ. П—въ сталъ ихъ кумиромъ; съ нимъ она увѣрвали въ свою силу и ловкость и, вслѣдъ за тѣмъ, черезъ недѣлю, сильная партія, до тысячи джигитовъ, собралась подъ предводительствомъ такого славнаго вожака.

Станица Курганная, на Лабѣ, строившаяся одновременно съ Родниковской, разстояніемъ въ девяти верстахъ, выслала колону жителей за Лабу на рубку лѣса, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты. Слѣдившій зорко за новыми станицами, П—въ, зная что въ старыхъ трудна пожива, пользуясь скрытой мѣстностью, пропустилъ колону въ лѣсъ; ему было хорошо извѣстно, что если не было перепалки на рубкѣ, то русскіе возвращаются оплошно.... Горцы, сдѣлавъ перекрестный залпъ, бросились въ шашки. Ротный командиръ, поручикъ князь Тумановъ, былъ изъ первыхъ убитыхъ. Колона смѣшалась.... одиночный бой недолго длился.... Пока прискакали резервы на выручку, многіе заплатились жизнью; но здѣсь не удалось горцамъ ничѣмъ поживиться. Они спѣшили скрыться, не понеся большой потери, въ надеждѣ, что П—въ доставитъ къ тому случай. Это и могло бы навѣрно случиться неравъ; но монаршій манифестъ, про-

шавшій бѣглецовъ, вызвалъ П—ва, полагавшаго, что и его простятъ, какъ прощали негодаевъ бѣжавшихъ въ горы больше по глупости, изъ страха наказанія. Однако онъ былъ судимъ и разстрѣлянъ. Смерть П—ва отняла самонадѣянность у горцевъ; партіи ихъ одна за другой были разбиваемы на голову.

XXI.

УРЯДНИКЪ ИГНАТЬЕВЪ.

Обаятельно-заманчива была наша боевая жизнь, а войсковое положеніе, даровавшее равныя права нашему сословію со всѣми подданными имперіи, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшало, уже безъ особаго высочайшаго повелѣнія, зачисляться, каждому безъ изъятія, въ наше войско, давъ только обязательную подписку за себя и потомство принадлежать сословію. Это вызвало къ намъ не одного охотника. Въ числѣ ихъ сенатскій регистраторъ Игнатъевъ поступилъ въ нашу бригаду казакомъ.

Какъ теперь помню;—я былъ въ бригадномъ штабѣ въ своей канцеляріи. Старшій бригадный писарь, урядникъ Гусевъ, доложилъ мнѣ, что прибылъ явиться «дворянинъ-казакъ изъ московскихъ», т. е. не изъ своихъ, а на московскихъ смотрѣли казаки вообще какъ-то недружелюбно, пока не убѣждались, что «не свой» перерожденъ въ истаго казака, и тогда уже, какъ съ своими пересозданіемъ, они дѣлались друзьями на жизнь и смерть.

Велѣлъ я позвать неофита-казака. Мнѣ представилась личность лѣтъ 23 или 24-хъ, въ странномъ какомъ-то балахонѣ, въ родѣ шинели; когда я спросилъ его, что на немъ за костюмъ, онъ откровенно сказалъ:—«я рѣшительно ничего не имѣю, кромѣ желанія быть хорошимъ казакомъ, а бѣдность не порокъ». Этотъ отвѣтъ и вообще симпатичная личность Игнатъева заинтересовали меня. Справясь съ его документами, я узналъ, что онъ изъ студентовъ 3-го курса камеральнаго факультета, и попросилъ командира бригады оставить его при мнѣ. Выдали Игнатъеву небольшую сумму для водворенія; я подарилъ ему коня и оружіе, и онъ, живя у меня, сталъ моей правой рукой. Каждый день, съ 10 до 12 часовъ, если не было тревоги, Игнатъевъ охотно ходилъ съ учебной командой стрѣлять и учиться владѣть конемъ и шашкой, чего строго требовалъ нашъ неогнанный В—въ. Такой личности нетрудно было усвоить всѣ приемы ловкаго казака. За первое дѣло въ разѣздѣ, въ который Игнатъевъ былъ назначенъ за урядъ-урядника, его произвели въ урядники, а

за отличіе въ набѣгѣ и за молодецкое разбитіе партій, вдвое превосходѣншей численностію, также на разѣздѣ, Игнатьевъ удостоенъ былъ знака ордена св. Георгія и назначенъ старшимъ урядникомъ 4-й владимірской сотни, 2-го коннаго полка.

Сотенный командиръ, штабсъ-капитанъ князь Каймурза-Беймурзовъ, заболѣлъ. Станица Владимірская еще недавно была водворена на мѣстѣ поста Житомирскаго, въ пяти верстахъ отъ Лавы и въ десяти отъ Лавинской. Жители не успѣли еще хорошенько освоиться съ мѣстностію, такъ какъ большая ихъ часть была переселена съ Дона, а уже заявили себя молодцами.

Бѣглый урядникъ Колосовъ, житель станицы Вознесенской, бывшій у меня во ввводѣ № 14-го конной батареи, бѣжавшій въ горы, промотавъ поручонныя ему казенныя деньги, немало накопилъ, хотя и мелочно, на нашей линіи, пользуясь превосходными знаніемъ мѣстности. Я разскажу послѣдній его смѣлый набѣгъ. Пробравшись, съ партіей человекъ въ пятьсотъ, съ вершинъ Тегеней по скрытымъ балкамъ между Урупомъ и Чамлыкомъ, Колосовъ какимъ-то случаемъ узналъ, что во Владимірскую станицу идутъ съ Кубани вторыя ставропольскія сотни. Увѣренный, что его никто лично не знаетъ въ новой станицѣ, онъ до того былъ дерзокъ, что, оставя партію на высотахъ за станицей, какъ будто на покорикъ, самъ, съ такимъ же бѣглецомъ съ Кубани, пріѣхалъ въ станицу и явился подполковнику (Кубанскаго егерскаго полка) Ахмылову, какъ къ отрядному начальнику, за приказаніемъ, гдѣ остановиться сотнямъ. Подполковникъ, ничего не подозрѣвая, велѣлъ оставить сотню на покорикѣ до вечера—и еще приказалъ этому висѣльнику дать чарку водки. Колосовъ выѣхалъ за станицу, зорко опытнымъ глазомъ повсмотрѣлъ, что часть скота, головъ въ триста, была на водоѣ у ручья, а женщины съ ребятишками мыли бѣлье близъ мельницы. Поздоровался онъ съ ними, объявивъ, что сотни пришли съ Кубани, и отправился къ партіи.... Идутъ мнимыя сотни со значками впереди—и вдругъ бросились на скотъ и на мыльщицъ... Поднялся крикъ и гамъ, а бывшіе на мельницѣ казаки принялись стрѣлять.... Раздалась тревога въ станицѣ, загудѣлъ набатный колоколъ, вторя перекатамъ барабановъ, и окрестность дрогнула отъ гуда батарейнаго единорога, оповѣстившаго линію.... Пѣхота бѣгомъ высыпала вмѣстѣ съ жителями за станицу. Урядникъ Игнатьевъ съ сотней былъ версты за двѣ, въ прикрытіи главнаго скотскаго табуна; онъ соколомъ прилетѣлъ, и, послѣ залпа на скаку, съ шашками дружно бросилась сотня на неприятеля нѣз-за сврытной балки съ правой стороны. Неожиданіе

столь сильной атаки, горцы отступали—было; но, скоро оправясь, остановили сотню, заставляя ее своимъ натискомъ отступать шагъ за шагомъ, отбиваясь выстрѣлами. Горцы охватили сотню съ фланга и фронта. Игнатьевъ понялъ, что этотъ удачный маневръ горцевъ озадачилъ казаковъ и исходъ неминуемо будетъ гибеленъ: живо сообразя и пользуясь хорошо ему знакомой мѣстностію, онъ, быстро поворота кругомъ, бросился въ карьеръ, въ рассыпную, какъ на уходъ. Горцы думали, что сотня струсила, погнались за ней въ рассыпную же, опережая другъ друга. А между тѣмъ Игнатьевъ, наведя партію на залегшую по балкамъ пѣхоту, встрѣтившую ее сильнѣйшимъ огнемъ, живо выстрелился и, обсклававъ кругомъ станицу, бросился на оторопѣвшихъ, въ свою очередь, горцевъ. Этого напора горцы не выдержали и рассыпались по равнинѣ къ Лабѣ, а сотни изъ станицъ Лабинской и Зассовской почти одновременно бросились изъ на перерѣзъ отъ Лабы. Въ это время показались на высотахъ за станицей сотни вознесенская и чамлыкская, почти въ томъ же направленіи, откуда поживалась партія. Окруженные со всѣхъ сторонъ, горцы, отчаянно отбиваясь, и поодиночкѣ, и кучами, поспѣлись, какъ испуганный рой осъ, по равнинѣ, гонимые и встрѣчаемые со всѣхъ сторонъ казаками. Они, дѣйствительно, дорого продавали свою жизнь: безнадежное положеніе дѣлало изъ нихъ героевъ; но недолго длился бой.... И едва ли десятка два или три человекъ спаслось за Лабу, въ числѣ ихъ и раненый Колосовъ.

Этотъ погодой, но, тѣмъ не менѣе, отличный наѣздникъ, два раза налеталъ на Игнатьева въ одиночку и послѣдній разъ ранилъ его легко шашкой.

Недолго послѣ этого бѣглець разбойничалъ: его поймали въ низовыхъ станицахъ и повѣсили своимъ судомъ, самосудомъ!....

Горцы потеряли много хорошихъ джигитовъ, въ числѣ ихъ вожака Алхава—Алхазова, и нѣсколько старшинъ и узденей, а поживы не видали.

Потеря наша, при отчаянномъ сопротивленіи горцевъ, была не такъ значительна. За это дѣло, такъ ловко начатое, Игнатьевъ былъ произведенъ въ хорунжіе; сотня получила на свою долю четыре георгіевскіе креста и двѣ медали за храбрость.

XXII.

ПОСЪЩЕНІЕ ЛИНІИ.

Въ концѣ зимы 1847 — 1848 года, начальникъ линіи, В—въ,

получила отъ начальника фланга, генерала Боваленскаго (убитаго при штурмѣ Барса), полуофициальное извѣстіе, что французскаго генеральнаго штаба полковникъ графъ Куртюжи и бригадный генералъ де-Дини посѣтятъ линію. Незавѣстность, какъ принять такихъ почетныхъ гостей, въ качествѣ-ли лицъ официально осматривающихъ линію съ разрѣшенія правительства, или какъ гостей-посѣтителей, вынудила В—ва послать меня навстрѣчу имъ въ станцію Урупскую, чтобы узнать отъ адъютанта намѣстника, князя Дондукова-Корсакова, сопровождавшаго ихъ. Вназъ мнѣ сказалъ, что приемъ долженъ ограничиться тѣми условіями, какия налагаетъ въѣзливость, но отнюдь не дѣлать официальныхъ встрѣчь и не отдавать воинскихъ почестей. Увѣдомивъ съ нарочнымъ объ этомъ В—ва, я, въ полной формѣ адъютанта, отправился представиться нашимъ гостямъ.... И безъ сѣбѣ, до сей поры, не могу вспомнить видѣнной мною сцены. Наши гости пріѣхали въ Урупскую за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда, и, по приглашенію станичнаго атамана, войскаго старшиномъ Силарова, остановились въ его домѣ. Князь Дондуковъ, зная давно оригинальнаго старика, шути сказалъ ему, что эти господа, такъ себѣ, богатые купцы-маркитанты, въ чемъ совершенно убѣдять старика гражданскій костюмъ гостей. Силаровъ всегда былъ самый радушный хозяинъ, а если при этомъ случалось ему быть въ веселомъ настроеніи, тогда трудно было отдѣлаться отъ него насухо, не насытившись какъ губка.... Живо думалась закуска, и старикъ принялся усердно подчивать гостей, не забывая, конечно, и себя. Такая дружеская фамильярность чрезвычайно понравилась французамъ; когда же имъ князь передалъ причину безцеремонности, они принялись разыгрывать роль добрыхъ кушмовъ, и такъ усердно, въ свою очередь, угощали старика, что онъ уже показалъ имъ и свое искусство на сярпкѣ.... При выходѣ его во внутреннія комнаты, чтобы распорядиться подачей еще чего-нибудь имъ придуманнаго, сыновья никакъ не могли увѣрить отца въ званіи гостей.... «Брешете блязъ вашего батьку—мнѣ казавъ князь, что воно кушци, тай и годи, дыць! Ребъ якъ кажу, чимъ я не канъ у соби въ хатѣ-галгань!» И, кажется, ничто и никто не переувѣрилъ бы расходившагося стараго хоперца....

Представьте себѣ довольно большую комнату порядочнаго деревяннаго дома, передній уголъ которой, отъ потолка до подоконниковъ, увѣшенъ безъ всякой симетріи иконами въ оградахъ, въ віотахъ и безъ всякаго украшенія, на вездѣ обвѣшанныхъ разнокалиберными, серебряными и мѣдными, старовѣрческими крестами, съ множествомъ

ламподокъ и свѣчниковъ, какъ въ любой старообрядческой молельнѣ, (хозяинъ былъ православный, но это семейная святыня). На остальныхъ стѣнахъ повнавшено тоже зря, такъ пришлось: гдѣ конскій уборъ съ сѣдломъ, гдѣ кольчуга, шпашанъ съ налокотниками, тудуль полный стрѣлъ съ лукомъ, гдѣ сѣкира и наставка, гдѣ ружье, шашка, пика или пистолеть. Однимъ словомъ, какъ вѣлся куда гвоздь, или оленья рога, такъ и вѣшай. Это хаотическое убранство довершалось нѣсколькими небольшими зеркалами въ вычурныхъ старинныхъ рамкахъ, и сверхъ, всего, нѣсколько картинъ суздальскаго художества, представлявшихъ разныхъ богатырей, генераловъ съ арміями промежъ ногъ и отрубленными вражьиими головами, да похоронная процесія мышей, погребавущихъ кота, въ которой старикъ находилъ пропасть юмора.... И, дѣйствительно, оригинально, какъ и вся его обстановка, нелишенная своего рода поэзіи: онъ ловко и забавно комментировалъ гостямъ погребеніе кота, такъ что заинтересовалъ всѣхъ. Старикъ отъ природы, какъ и большая часть малороссовъ, былъ уменъ и хитеръ, и умѣлъ, когда хотѣлъ, быть остроумнымъ или наивнымъ, смотря по обстоятельствамъ. Большой дубовый столъ, покрытый дорогою персидскою ковровою скатертью, былъ установленъ всевозможныхъ видовъ и формъ судьями, флажками, бутылками и штофами, чарьями, рюмками, бокалами, стаканами, и буквально нагруженъ печеньемъ, вареньемъ и соленьемъ на всѣ лады и манеры.

Едва я переступилъ порогъ, С—въ бросился ко мнѣ и, схвативъ за обѣ руки, потащилъ къ столу съ словами: «что ты, братику, перелекался, а-бо-встияса що надивъ на соби эту сбрую, али начальство іѣде? здѣсь, братику, всё свои: это добрые хопята, а князь, вѣдь, такой же адъютантъ, какъ ты. А ну! къ бисову батькови, не мнѣ же ты являться станешь; станицу я поручилъ судѣ; вотъ онъ узнаеть, что ты здѣсь, такъ отпашпортуетъ. Мы, братику, службу также помнимъ, якъ дружбу—списыбенъко що зашовъ.... А что же съ дорожки не пропустить—ли того сего?..» Князь уже успѣлъ меня представить, и оба наши гостя съ французской любезностію приняли привѣтъ, переданный мною отъ лица начальника линіи; но, видя мое недоумѣніе, относительно старика, въ короткихъ словахъ разсказали о комедіи или разыгрываемой, прося принять участіе въ общемъ ихъ удовольствіи и не разочаровывать радушнаго хозяина.... Еще не совсѣмъ забывъ болтать по-французски, я со смѣхомъ принялъ и предложеніе, и протянутыя руки. С—въ же, слыша, что я довольно бѣгло говорю съ его гостями, какъ онъ полагалъ евреяни, крикнулъ въ восторгъ: «Бачъ! бисовъ кусъ? и ты лившь по-жидовскому?....

Що князь марануе брехаты, якъ жидяго, на то винъ и князь, а ты бисовъ сынъ, добрій казачуго—спасыбенъю, братину....»

На другой день старикъ, убѣдясъ въ своемъ промахѣ наканунѣ, крѣпко конфузился, и я едва уговорилъ его выйти къ гостямъ. Они, съ свойственной имъ любезностію, просили старика простить ихъ невольную шутку, которую онъ самъ же создалъ, и новоселѣвншій старикъ ни за что не хотѣлъ отпустить насъ безъ завтрака; за которымъ, хотя и сдержанно, но все же развернулся. Оба француза довольно порядочно объяснялись по-русски, а чего не могли понять, то переводили мы.

Къ обѣду мы пріѣхали въ Лабинскую. Нашъ В—въ такъ любезно-радужно встрѣтилъ и принялъ гостей, что не прошло часа времени, а мы все были такъ настроены, какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ. Весело прошелъ роскошный и изящно приготовленный обѣдъ; немало было предложено заздравныхъ тостовъ, и В—въ отъ души смѣялся продѣлкѣ стараго Скляра, котораго любилъ, какъ дѣльнаго и толковаго офицера. А французы отъ стараго казака были просто въ сторонѣ. На утро было показано гостямъ все то, что могло интересовать ихъ.

Прогостивъ два дня въ Лабинской, наши гости отправились внизъ по линіи, и мнѣ было приказано В—мъ показать имъ все станицы и посты до Усть-Лабинской (1-й бригады на Кубани). Погода была великолѣпная; снѣгу не было нигдѣ ни клочка; легкіе утреники едва только серебрили траву и листья, уже одѣвавшіе деревья. Проглядывало солнце и жаркіе его лучи, согрѣвая, живили пробуждающуюся природу послѣ недолгаго летаргическаго сна. Часу въ четвертомъ, мы пріѣхали въ укрѣпленіе Темиргоевское, гдѣ начальникъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдующій нижнимъ участкомъ линіи, и командиръ № 3-го кавказскаго линейнаго баталіона, подполковникъ Генингъ, и подполковникъ Войцеховскій, командиръ пѣшей батареи, расположенной при укрѣпленіи, предувѣдомленные В—мъ, оба прекрасно образованные люди, приняли и угостили дорогихъ гостей со всею роскошью, какая только было доступна у насъ на линіи.

Утромъ мы отправились въ дальнѣйшій путь. Генингъ хотѣлъ доставить сюрпризъ гостямъ и, переговора со мною и княземъ Корсаковымъ, распорядился, чтобы сотня станицы Воздвиженской (1-го Лабинскаго полка штабъ-квартира), сдѣлала примѣрное нападеніе на нашъ поѣздъ; но эта невинная шутка-сюрпризъ едва не разыгралась, вмѣсто водевильнаго-буфа, серьезной драмой.... Подъ прикрытіемъ сотни и четырехъ ракетныхъ станковъ, выѣхали мы изъ укрѣп-

ленія прямой дорогой, идущей надъ самой Лабой, здѣсь бѣшено-бѣгущей въ крутыхъ отвѣсныхъ берегахъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, по которому съ нашей стороны, параллельно теченію рѣки, по берегу шла просѣка для линіи маяковъ и пикетовъ. По этой дорогѣ разстояніе между укрѣпленіемъ и станицей всего девять верстъ. Мы проѣхали версты четыре; до засады оставалось еще версты три. Въ этомъ мѣстѣ Лаба имѣетъ берега, прорѣзанные широкими промойными балками, поросшими лѣсомъ; тутъ лучшій бродъ, совершенно закрытый отъ наблюденій съ берега островками, поросшими высокими кустами, тянущимися непрерывной цѣпью....

Французы говорили безъ умолку и много поразказали намъ эпизодовъ изъ ихъ войны съ кабилами. Оба они были при осадѣ Константицы и, сравнивая нашу боевую жизнь съ алжирской, отдавали дань похвалой отвагѣ и удали казаковъ при тѣхъ незначительныхъ средствахъ къ защитѣ, какія видѣли.

Въ это время залпъ не одного десятка ружей заставилъ ихъ встрепетаться и схватиться за великолѣпныя двухстволки....

Мы съ княземъ не трогались съ мѣста, полагая, что казаки не поняли назначеннаго мѣста для сюрприза; но нѣсколько пуль, просвистѣвшихъ мимо ушей, заставили насъ выскочить изъ экипажа и сѣсть на заводныхъ коней.... Сотня и ракетная команда живо было уже сомкнулись, окруживъ коляску, и завязали перестрѣлку. Это же шуточное нападеніе, это была сухая партія, человекъ въ двѣсти, которая быстро переправилась чрезъ Лабу на закрытомъ мѣстности броду и сдѣлала *свой* сюрпризъ.... Принявъ команду, я спѣшилъ казаковъ и состави вокругъ экипажа каре; имѣя по угламъ ракетные станки, мы открыли черезъ ружье огонь изъ-за коней. Горцы раздѣлились на двѣ партіи, чтобы поставить насъ между двухъ огней; но бывшая въ засадѣ, ради потѣхи, сотня, понявъ въ чемъ дѣло, бросилась и сбила часть партіи, занявшей дорогу отъ лѣса; вслѣдъ же затѣмъ явившійся изъ укрѣпленія подполковникъ Геннингъ, не любившій шутить съ татарвой, живо ихъ сбилъ и заставилъ бросаться, гдѣ кому пришлось, прямо съ кручи. Части войскъ, прибывшія на выручку намъ, отправились преслѣдовать партію, а мы сѣли въ экипажъ и во всѣ лопатки понеслись въ Воздвиженскую, гдѣ командиръ 1-го Лабинскаго полка (старый уланъ), войсковою старшина Коровинъ, жена котораго была французенка, радушно приняли насъ. Оба наши гостя во все время перестрѣлки принимали самое дѣятельное участіе въ ней, посылая пуля за пулей изъ своихъ двухстволокъ, первый разъ стрѣлая черезъ сѣдло, что ихъ чрезвычайно заняло.

На утро мы выѣхали осматривать попутныя станицы. Гости наши долго оставались близъ станицы Некрасовской, на мѣстѣ бывшаго укрѣпленнаго стана некрасовцевъ, еще хорошо сохранившаго свои земляныя сооруженія. Графъ Буртужи сказалъ мнѣ, что онъ собираетъ матеріалы царствованія Екатерины II, и станъ некрасовцевъ, лично имъ осмотрѣнный, займетъ не одну страницу въ его мемуарахъ. Вечеромъ мы были уже въ Усть-Лабинской станицѣ. Здѣсь гостей встрѣтилъ нашъ достойнѣйшій начальникъ фланга, Петръ Петровичъ Ковалевскій. На утро я имѣлъ честь откланяться нашимъ гостямъ и передать каждому изъ нихъ, по порученію В—ва, полное горское вооруженіе, какъ современное, такъ и древнее, съ костюмами и съ конской сбруей. Они не ожидали такого, можно сказать, царскаго подарка. Въ эту ночь они получили депешы, призывавшія ихъ на родину, гдѣ 48-й годъ не обошелся безъ тревоги и переполоха, болѣе серьезнаго, чѣмъ темиргоевское и у Воздвиженской....

Съ особенною внимательностію рассматривали французы каждую вещь. Ихъ очень занялъ нашъ *сулукъ*, т. е. кожаный складной котелокъ, который мы имѣемъ подъ сѣдельной подушкой для набранія воды, а также *суламъ*, т. е. отрѣзокъ отъ корня камыша, оправленный въ серебро, какъ нагрудный хазыръ (патронъ) тоже для питья, чрезъ него какъ чрезъ фильтру, грязной и нечистой воды. Они говорили, что предложить эти полезныя вещи, по ихъ удобству, ввести на родинѣ въ войскахъ, равно и башлыкъ.

Наши гости, быть можетъ, давно забыли свою поѣздку по лабинской линіи, а мнѣ, вѣрнѣе смерти, никогда не приведетъ судьба напомнить мнѣ въ Парижѣ, по ихъ карточкамъ, о бывшемъ посѣщеніи и ихъ любезной внимательности къ казаку—пластуну лабинской линіи.

XXIII.

ЗАВАЛЪ.

Отрядъ возвращался изъ экспедиціи, предпринятой въ большую Чечню въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Былъ уже конецъ октября. Природа Кавказа, казалось, грустила, какъ увядающая красавица, которая чувствуетъ приближеніе своей осени. Вѣтеръ, съ заунывнымъ воплемъ пробѣгая по ущельямъ, обрывалъ послѣдніе желтые листья деревьевъ. Небо мурлылось; солнце лѣниво свѣтило. Отрядъ нашъ растянулся по узкой гати Кунинскаго

лѣса, лежащаго въ десяти-двѣнадцати верстахъ отъ рѣки Мечикъ (*). Я былъ въ аріергардѣ со взводомъ конной казачьей № 14-й батальона, при баталіонѣ курянцевъ.

Мы двигались очень медленно, изрѣдка останавливаясь, чтобы отбросить на благородную дистанцію мечиковцевъ, которые провожали насъ то пронзительными гиками, то свистящими пулями. Изрѣдка снимались орудія съ передковъ, чтобы послать гранату или ядро, какъ прощальный привѣтъ хозяевамъ. Неразъ я засматриваюсь на Черныя Горы, синѣвшія вдаль, а за ними, какъ облака, туманно высились вершины снѣговаго хребта, и, какъ будто съ негодованіемъ, смотрѣли на насъ. Да и было за что: не одна роскошная долина у подошвъ ихъ отроговъ превратилась въ пустыню; не одна роща вѣковыхъ дубовъ и чинаровъ, увитыхъ дикими лозами виноградника, переплетенныхъ дружнымъ плющемъ, обратилась въ пепелище, гдѣ обгорѣлые остовы деревъ и таѣвшіе аулы горцевъ напоминали о страшныхъ гостяхъ своихъ. И весело, и грустно было разставаться съ этой очаровательно-грознаю природою; но мы съ каждымъ шагомъ были ближе къ сунженской линіи, а эта мысль какой скуки не разгонеть!

Такъ мы прошли и выдвинулись на поляну, среди которой, осененный кущою тутовыхъ деревъ и кизила, высится большой курганъ, со старымъ горскимъ кладбищемъ и съ развалинами какого-то аула. Отрядъ расположился на ночлегъ. Запылали бивуачные огни; поляна въ нѣсколько квадратныхъ верстъ, обрамленная съ трехъ сторонъ вѣковымъ лѣсомъ, примыкающая къ крутому обрыву на рѣкѣ Мечикѣ, освѣтилась и ожива говоромъ тысячей голосовъ; вездѣ мелькали живыя тѣни, то ярко облитыя огнемъ, то уходящія и исчезающія во мракъ. Освѣщенные снизу деревья принимали исполинскіе размѣры и, казалось, верхушками упарались въ мрачный сводъ неба. Нигдѣ ни звѣздочки; только нависшія пеленой тяжелыя тучи гнѣздились одна на другой, изрѣдка разрѣзываемыя яркими полосами молніи. Холодный вѣтеръ, врываясь въ долину отъ рѣки, кружилъ сухіе листья и пылъ надъ поляною со снятымъ хлѣбомъ. Я былъ дежурнымъ по артилеріи: принявъ и передавъ приказанія, такъ уходилъ, что съ наслажденіемъ бросился на бурку у яркаго костра, и

(*) На рѣкѣ Мечикѣ живетъ довольно сильное чеченское племя мечиковцевъ. Впослѣдствіи, въ 1855 году, на рѣкѣ Мечикѣ былъ разбитъ Джемаль-Эдина, сына Шамилля, взятаго въ плѣнъ при штурмѣ аула Ахульго въ 1839 году, на плѣнники семейства князей Чагевъ и Орбеллиани.

начиналъ уже дремать въ ожиданіи ужиња... Въ это время подошелъ ко мнѣ нашъ дивизионертъ, капитанъ гвардейской легкой артиллеріи, Б—дъ, прикомандированный на время экспедиціи къ своднымъ пяти орудіямъ нашей конно-казачьей бригады, батареи №№ 13-го, 14-го и 15-го. Этотъ рѣдкій, молодой человекъ, не по лѣтамъ испытанный жизнью и покрутившійся въ вихрѣ петербургскаго свѣта, умѣлъ и успѣлъ увлечь не только наши умы, но и овладѣвъ сердцемъ каждаго, кто его зналъ хотя немного. Онъ сѣлъ у огня, какъ-то особенно грустный и молчаливый, будто чуждъ бѣды неминуемой... Къ намъ подошли: пѣшецъ 19-й бригады поручикъ графъ Толстой, 13-й батарея сотникъ Барюковъ и нижегородскій драгунъ, штабсъ-капитанъ князь Чолодай. Оживилась бесѣда; Б—дъ какъ бы страднулъ тяжелой думою; рѣчь его, по обыкновенію, шла съ стройно и увлекательно, но видно было, что онъ преодолевалъ гнетущую безотчетную тоску.... За полночь всѣ разошлись....

Сумракъ рѣдѣлъ. Тяжелый туманъ еще висѣлъ надъ рѣкой, а отрядъ уже закопѣнчился, какъ муравейникъ; съ первымъ разсвѣтомъ пасмурнаго дня, началась переправа черезъ Мединъ. Наши пять орудій были въ авангардѣ, и едва мы стали подниматься на крутой откосъ противоположнаго берега, какъ были встрѣчены пролетѣвшей надъ головами гранатой, которая упала за нами въ воду. Поднявшись на взвѣдъ, намъ открылась небольшая поляна, замкнутая со всѣхъ сторонъ гигантскимъ лѣсомъ, а за ней, по широкой армянской и единственной дорогѣ, выдѣлись, преграждая путь, одно надъ другимъ, деревья грознаго «завала»; устроеннаго горцами, мастерами на такого рода сооруженія, и вооруженнаго девятью орудіями. Изъ-за завала видѣлись напачи и мелькали стволы винтовокъ. Едва мы выстроились фронтонъ, адъютантъ начальника отряда подскочилъ къ Б—ду и передалъ ему приказаніе генерала....

— Справа въ одно орудіе, рысью маршъ! раздался голосъ капитана, и всѣ пять орудій вытянулись въ линію по дорогѣ. Свернувъ съ нея влѣво, орудія пустились по ровной полянѣ стрѣломъ, пристроились поодиночкѣ къ первому, и понеслись, на полныхъ рыскахъ, прямо противъ исходящаго угла главнаго завала, чтобы спастись отъ выстрѣловъ боковыхъ орудій. Но эта предосторожность была лишняя: непріятельскіе завады, мастерски устроенные, взаимно обстрѣлывали всю линію. Легкія орудія наши, какъ кокетливыя щеголихи на гуляньѣ, быстро приближались къ опушкѣ лѣса, занятаго горцами. Въ густыхъ облакахъ пыли, орудія катились по снятой

памяти чалтыка (*) и проса, то разрываясь передъ неровнымъ шестомъ, то снова равняясь, на полныхъ интервалахъ. Но вотъ облое облако вырвалось съвозъ вѣтви засѣки съ одной изъ амбразуръ завала; блеснула молнія; грянулъ громъ; фитили мелькнули въ другихъ амбразурахъ, и ядра засвѣтили надъ нашими орудіями. Дымъ орудій, стрѣлявшихъ поочереды, повисъ черной тучею, закрывъ завалы. Едва отгрянулъ гулъ перваго выстрѣла, глухо повторенный лѣсомъ, орудія, по сигналу шапки капитана, повернули налѣво кругомъ, казаки бросились съ коней къ лафетнымъ станинамъ, конюводы съ передками поскакали къ заряднымъ ящикамъ. Нѣсколько мгновеній царствовало всеобщее смятеніе; но скоро орудія, выравненные съ замѣчательною быстротою и ловкостью, гордо возвысили свои жерла, и стали прямо смотрѣть въ боковыя подушки непріятельскихъ лафетовъ. Первый выстрѣлъ взревѣлъ... орудійный огонь задернулъ занавѣсой дыма всѣхъ насъ.

Какъ соколъ, быстро леталъ Б—дъ по дивизиону, держа наголомъ шапку, и, несмотря на то, что статный карабахъ его, испуганный выстрѣлами, рвался неровными и бѣшеными прыжками, ловкій навалеристъ сидѣлъ въ сѣдлѣ твердо.

Онъ подскакалъ къ командному мною взводу, говоря:— «Не робѣй ребята! двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать!»... Въ это время блеснулъ огонь въ облакахъ дыма, и шамалевское ядро съ трескомъ ударилось въ хоботовую подушку единорога, прыгнуло черезъ правило, и пошло рикошетами вдоль дивизиона. Б—дъ, раненый въ правую ногу, упалъ вмѣстѣ съ лошадейю близъ передовыхъ уносовъ.

— «Казаки! Не помняйте меня ликомъ», сказалъ еще твердымъ голосомъ храбрый капитанъ, когда понесли его на окровавленныхъ носилкахъ... «Сотникъ Бирюковъ, приниите команду надъ орудіями Прощайте, добрые друзья!..»

Артилерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ усилился; ядра и гранаты реяли надъ нами, вырывая то казака, то коня; но вотъ бѣгомъ пробѣжали, мимо дивизиона, съ ружьями на перевѣсѣ, охотники отъ Курянскаго и Кабардинскаго полковъ: это, большою частью, были юнкера, которымъ храбрый нашъ начальникъ отряда, генералъ Фрейтагъ, вызывая на штурмъ, сказалъ:— «Повѣсы-галунщики впередъ! кто первый на завалъ, тому крестъ и эпожеты». Быстро пронеслись

(*) Чалтыкъ то же растеніе, что сарацнское пшено. Чалтыкъ, просо, кукуруза, ячмень и пшеница суть главные продукты горскаго хозяйства; ржи и овса горцы никогда не сѣяли.

рота за ротой вслѣдъ охотниковъ къ заваламъ. Загрохотала артилерія: наши пѣшія батарейныя орудія обстрѣливали фасъ и фланги; ядра, съ страшнымъ трескомъ ударяясь о гигантскіе древесные стволы завала, щепили ихъ, отрывая огромные куски, поражавшіе горцевъ. Не устояли мюриды и чеченцы предъ всесокрушающей силой дружной атаки. Первый заваль былъ взятъ, и юнкеръ князь Херхеулидзевъ держалъ и махалъ значкомъ, отбитымъ имъ у горца; а за первымъ заваломъ были взяты еще два, но уже безъ орудій. Горцы, видя неустойку, прежде всего бросались спасать ихъ, однако не могли увести одно подбитое орудіе и два зарядныхъ ящика, доставшихся намъ трофеемъ. Наши легкія орудія двинулись къ главному завалу, и удачныя навѣсныя выстрѣлы облегчили штурмъ остальныхъ заваловъ.

Пѣхота дѣлала чудеса; горцы, не взирая на свою прирожденную твердыню—крѣпость, въковой лѣсъ, бѣжали, сбитые со всѣхъ пунктовъ и провожаемые орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, или выбиваемые штыкомъ и прикладомъ изъ засадъ. Дружно пѣхота распорядилась съ завалами и очистила намъ дорогу.

Надо, по истинѣ, дивиться кавказскому солдату, его неутомимости, его богатырской силѣ, отвагѣ и смѣливой расторопности въ такой мѣстности, гдѣ каждый кустъ, каждый камень, каждое дерево срываютъ горца, а съ нимъ оплошному смерть. Но кавказскій солдатъ все преодолеваетъ и выходитъ побѣдителемъ. Слава, хвала и честь вамъ, храбрые кабардинцы и курипцы—гроза и ужасъ Чечни!

Вотъ перекаты барабановъ и сигнальные горны велятъ собраться изъ преслѣдованія. Генералъ уже на открытой огромной полянѣ, окруженной густымъ лѣсомъ, изъ-за котораго слѣва высятся уступы испанскихъ скалъ. Какъ къ маткѣ въ пчелиномъ роѣ, такъ, стекаясь со всѣхъ сторонъ къ генералу, являлись заключенныя пороховыя лица храбрецовъ. Весело было смотрѣть на беззаботныя, открытыя лица усачей, уже шутявшихъ и смѣявшихся, едва успѣвъ вырваться изъ жадныхъ челюстей смерти. Но таковы были обстрѣленные кавказцы....

Какъ только дѣло кончилось и мы поубрались каждый въ своей части, я съ Бирюковымъ поѣхали на перевязочный пунктъ. Въ это время навстрѣчу намъ тянулись повозки и арбы, въ которыхъ лежали на солому раненые офицеры, солдаты, казаки и милиціонеры; стоны ихъ сливались со скрипомъ колесъ.... Нѣкоторые могли сидѣть — и какъ грустно смотрѣли они на насъ, здоровыхъ и веселыхъ!... Будто теперь вижу этихъ храбрыхъ, которыхъ,

ещё такъ недавно въ волнахъ страсти, надежды, желанія, искаженныхъ и обезображенныхъ огнестрѣльнымъ и рукопашнымъ оружіемъ, блѣдныхъ, полумертвыхъ, съ открытыми и тусклыми глазами. Иные изъ нихъ, съ горестнымъ упованіемъ, молились; другіе, безъ слезъ и ропота, смотрѣли пристально на свои раны, обвитыя кровавыми бинтами; но большая часть лежали подъ бурками и шинелями, безъ чувствъ и памяти.

Я съ Бирюковымъ, какъ бы сговорясь, дали поводъ и нагайки конямъ и вихремъ промчались мимо благородныхъ страдальцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были на перевязочномъ пунктѣ. Уважаемый нашъ Б—дъ лежалъ блѣдный и безъ ноги.

— «Прощайте, господа,» сказалъ онъ намъ; «благодарю васъ за все, благодарю за участіе къ умирающему; мое предчувствіе сбылось.... Врядъ-ли еще увидимся!...» Онъ грустно опустилъ голову на сѣдельную подушку и замолкъ; мы думали, что онъ умираетъ.... Скоро опять очнулся Б—дъ и, взглянувъ на насъ, сказалъ:

— «Вы еще здѣсь, товарищи.... благодарю васъ....» Онъ протянулъ было къ намъ руки, готовясь говорить; это движеніе причинило ему нестерпимую боль, и онъ опрокинулся навзничъ. Подошедшій медикъ попросилъ насъ удалиться, чтобы не беспокоить раненаго.

Черезъ полгода мы прочитали въ приказахъ, что нашъ храбрый дивизионеръ получалъ орденъ св. Георгія 4-го класса и за ранами уволенъ отъ службы полковникомъ.... Последняя моя встрѣча съ храбрымъ Б.... была во дворцѣ Государя Императора, во время праздника столѣтняго юбилея ордена св. Георгія, 26-го ноября 1869 гсда. Съ слезами на глазахъ, дружески обнялись старые знакомые—оба колѣнкі....

Потеря наша въ продолженіе этой экспедиціи была довольно значительна, но вредъ, нанесенный хищникамъ, былъ громадный.... Впервые русское оружіе громило ихъ разбойничьи вертепы въ самой глубинѣ недоступныхъ въковыхъ лѣсовъ Чечни. Прошло немало времени, когда намѣстникъ Кавказа, князь Барятинскій, проложилъ свободный путь, по нашимъ сѣдамъ, широкими, на орудійный выстрѣлъ, просѣками, перерѣзавъ и искрестивъ Чечню, и добрался до ихъ самыхъ завѣтныхъ логовищъ.

Намъ еще на утро предстоялъ бой.

Поднялось солнце огромнымъ шаромъ изъ-за горныхъ вершинъ и стало надъ лѣсомъ. Мы двинулись впередъ; командуемому мною взводу пришлось идти въ арьергардъ съ драгунами, казаками и милиціей. Горцы провожали и преслѣдовали насъ упорно. Въ авангардѣ

слышалась частая орудійная и ружейная стрѣльба, но отрядъ шель не останавливаясь. Горцы беспорядочно топились; поражаемые повсюду. Такъ два дня шли мы черевъ; Чечню и на третій день къ вечеру, переправясь черезъ рѣку Сунжу, были въ Сунженской станицѣ (впослѣдствіи эта станица была переименована въ Сибѣшовскую, въ память генерала Сибѣцова, начальника линіи и бригады, заплатившаго славную смертію въ бою за эту честь).

Какъ взводный командиръ, и еще почти новичекъ на Кавказѣ, я могъ знать только то, что мнѣ приказывалось и приходилось исполнять, въ составѣ этой экспедиціи, и потому говорю о томъ только, чему былъ очевидцемъ.

Вспоминая Чечню и былое, невольно сравниваешь то время съ временами генерала Ермолова, когда кабардинцы и чеченцы пугались и дрожали, какъ дѣти, одного гула орудійнаго выстрѣла, и когда управлялись съ ними инымъ способомъ....

Впослѣдствіи, уже бывъ адъютантомъ на Лабѣ, я случайно прочиталъ у почтенной старушки, матери нашего сотника Б—на, дочери бывшаго кабардинскаго пристава, рапортъ ея отца генералу Ермолову, характеризующій то время отношеній горцевъ къ русскимъ. Надобно знать, что кабардинцы и чеченцы были тогда мирными, управлялись и судились, по своему адату и шаріату (*), князьями и муштадами, и развернутая глава корана рѣшала дѣла не хуже иныхъ современныхъ мировыхъ судей; но они имѣли и отъ нашего правительства приставовъ, въ вѣдѣніи которыхъ были также соляные магазины, изъ которыхъ соль промѣнивалась горцамъ на ихъ мѣстныхъ издѣлія, впрочемъ въ размѣрѣ небольше полупуда за разъ на семейство. Кстати замѣчу, что въ горахъ не мало минеральной соли, но неумѣніе очищать ее вынуждало горцевъ прибрѣтать соль изъ нашихъ окладовъ, чему много способствовала и ничтожная дѣна (15 копѣекъ серебромъ за пудъ). Вещь общезвѣстная, что пища безъ соли, для привычнаго къ ней желудка, поражаетъ разнородныя болѣзни: цыngu, опухъ тѣла и проч. и проч. На этихъ-то дѣлахъ, пристава, въ случаѣ волненія народа, прекращали отпускъ соли и тѣмъ усмиряли строптивыхъ, какъ видно изъ рапорта пристава Большой Кабарды, капитана Жиркова: «кабардинцы шалать, не прикажите ли имъ поухвуть, ваше п—во?» На сторонѣ этого оригинальнаго

(*) «Адатъ»—преданіе; «шаріатъ»—судъ по корану; мулла развернетъ его, и случайно попавшаяся сурѣ, т. е. глава пророческой книги, истолкованная по личному убѣжденію чтеца, рѣшала споръ, зачастую со львиннымъ правомъ и участіемъ въ дѣлѣ самого судьи, во имя Аллаха и его пророка.

рапорта, рукою генерала Ермолова написана лаконическая резолюція, «пусть попухнутъ». Судь и расправа, какъ явствуетъ, были немногосложны, но дѣйствительны, и черкесы (*), «попухнутъ», смирились. Было время, когда пользовались и самими ихъ желудками, обращая ихъ сравнительно въ лучшихъ полисменовъ, чѣмъ грошь орудій, къ которому они привыкли, замѣнивъ лукъ и стрѣлы винтовкой и ловко управляя своими пушками. Скажу: всему своя чреда, и время не приходитъ и не походитъ на время.

XXIV.

Ш А Л О Х Ъ.

Бывали и нерадостные случаи для нашей Лабанской линіи: не все мы разбивали партіи и скопища горцевъ; но и самый проигрышъ не посрамлялъ русскаго оружія и не клалъ не только пятна, но не бросалъ и тѣни на славу кавказскихъ войскъ, предпочитавшихъ смерть въ честномъ бою позору плѣна. Это былъ общій завѣтъ и девизъ прокопченныхъ пороховъ и закаленныхъ въ опасностяхъ войскъ. И вотъ тому не первый примѣръ — дѣло подъ Шалохомъ 4 го мая 1850 года.

По особому высочайшему повелѣнію, начальники фланга и линіи были приглашены на совѣщанія въ городъ Ставрополь къ командующему войсками генералу Заводовскому относительно предположеннаго занятія вѣрстями за-лабинскихъ долинъ до Черныхъ Горъ, также на рѣкѣ Бѣлой, въ ея низовьяхъ и близь майкопскихъ ущелій.

Подполковникъ В—въ, отъѣзжая на неопредѣленное время, начальство линіею поручилъ другу своему, командиру доискаго № 36-го полка, полковнику Павлу Алексѣевичу Ягодину, служившему на флангъ съ самаго начала занятія линіи; бригада была ввѣрена командиру 2-го Лабинскаго полка, подполковнику Котлярову.

Отрядъ, подъ начальствомъ полковника Ягодина, состоящій изъ двухъ сотенъ его полка, двухъ сборно-линейныхъ, роты Ставропольскаго егерскаго полка и взвода конно-казацкой № 13-го батареи, окончивъ ремонтныя работы въ укрѣпленіи Ахметъ-Горскомъ, остановился

(*) Слово черкесъ (саркешъ) значитъ собственно «мятежникъ», подобно тому какъ слово клеветъ «разбойникъ» и «воръ»; но одно въ горахъ кавказскихъ, а другое сулійскихъ, приобрѣла со временемъ почетное значеніе по поводу удалства этихъ горцевъ въ набѣгахъ на сосѣднія земли. Въ Россіи, да и въ цѣлой Европѣ всѣхъ кавказскихъ горцевъ называютъ черкесами, но это названіе далеко несправедливо: у насъ черкесами исключительно называли однихъ кабардинцевъ, которые величаютъ себя громамиъ именемъ адыгѣ—названіе равносильное слову «властитель».

Прим. авт.

близъ поста Шалоховскаго (*). Получивъ черезъ лазутчика свѣдѣнія о значительномъ сборѣ хищниковъ, намѣревавшихся пробраться близъ Ахмета на Кубань, и провѣривъ эти свѣдѣнія извѣстіями принесенными въ отряды пластунами, полковникъ Ягодина, со ввѣреннымъ ему отрядомъ, три дня поджидалъ появленія партіи и уже намѣревался двинуться къ станицѣ Лабинской. Въ то время я былъ командированъ въ Ахметъ-Горское, на слѣдствіе о неправильномъ донесеніи капитаномъ № 5-го линейнаго баталіона Грушецкимъ двѣтъ, бывшемъ близъ укрѣпленія на рубѣѣ лѣса. Окончивъ порученіе часу въ четвертомъ дня, я захватилъ на Шалоховскій постъ, чтобы переимѣнить коня и конвой, и встрѣтилъ тамъ полковника Ягодина, который, поспросивъ о результатахъ разслѣдованія, предложилъ мнѣ возвратиться въ Лабинскую виѣстѣ съ отрядомъ. И затѣмъ мы принялись чаевать. Едва мы выпили по стакану чаю, какъ орудійные выстрѣлы Ахметъ-Горскаго укрѣпленія заявили, что партія показалась за Лабой. Полковникъ Ягодина форсированнымъ маршемъ двинулъ отрядъ на выстрѣлы (разстояніе между постомъ и укрѣпленіемъ 7—8 верстъ). И такъ мы отошли версты три и спустились въ глубокую котловину, называвшуюся у насъ «чортовъ мѣшокъ». Балка эта занимаетъ пространство около квадратной версты; по срединѣ ея быстро бѣжитъ небольшая рѣчка Грушка, впадающая въ Лабу. Крутые откосы, высотой отъ 40—50 сажень, охватываютъ съ трехъ сторонъ котловину, упирающуюся въ густой лѣсъ надъ Лабой. Въ это время сильная партія, раздѣлаясь надвое, быстро выскочила изъ лѣса и охватила кругомъ высоты котловины, покрытыя густымъ и частымъ кустарникомъ. Горцы спѣшились и открыли непрерывный огонь. Сбить непріятеля картечью было невозможно: орудійные явны были почти вывѣчены; живо подрывли землю у хоботовыхъ подушекъ, и наводить орудія приходилось подъ огромнымъ угломъ. Но и этотъ прицѣлъ въ такой мѣстности не давалъ хорошаго результата, чтобы отбросить горцевъ, залегшихъ съ изумительной быстротой на столь выгодной позиціи. Ружейный нашъ огонь тоже немного наносилъ вреда горцамъ, закрытымъ камнями, кустами и густой травой, тогда какъ ихъ выстрѣлы сверху и изъ густаго лѣса надъ Лабой поражали наши ряды. Четыре раза бросались мы на проломъ, пробиваясь штыкомъ, пикой и шашкой, взбираясь на кручи; но вслѣдъ разъ

(*) Шалоховскій, или постъ Шалохъ, сооруженъ вскорѣ по занятіи ливніи на мѣстѣ бывшаго сильнаго аула, бѣглаго кабардинскаго князя Арслана-Шалоха, разореннаго генераломъ Зассомъ въ тридцатыхъ годахъ. Порода лошадей фамиліи Шалохъ славится на Кавказѣ своею неутомимостью и быстротой.

градъ камней и дружный залпъ горскихъ винтовокъ отбрасывали насъ въ котловину. Сборище горцевъ было до 5,000, имѣя въ головѣ лучшіе своихъ вожаковъ; они уже рассчитывали навѣрное задавить насъ численностію и видимо готовились, подъ прикрытіемъ ружейнаго огня, броситься на насъ съ пашками. Въ это время изъ-за джонгескихъ высотъ, поднимающихся за окраинами «чертова мѣшка», на крутой покатости ивъ, спускавшейся къ Лабѣ, на рѣзанной глубокими балками поросшими кустами, показали себя вои во всѣхъ пехота двѣ ставропольскія сотни 4-й ставропольской бригады. Онѣ шли къ намъ на очередную кордонную службу и были за высотами на спортивѣ; но, услышавъ сильную перестрѣлку, бросились на выручку намъ. Завидѣвъ ихъ, воиант живо распорядились, и въ глазахъ нашихъ до тысячи джигитовъ почесались по балкѣ, вдушей отъ вершины высотъ до подошвы, что заграивалъ съ обросшими кустами. Ставропольцы, замѣтивъ усиленный огонь по намъ и не видя мчавшихся навстрѣчу имъ горцевъ, пустились еще быстрѣе, поддана я ногайками ходу. Бравые кошовные командиры, есаулъ Максимовичъ и сотникъ Книязевъ, вѣслись впередъ, не ожидая встрѣтить на полупути засаду. Сотни на слану растянулись; казаки, перегоняя одинъ другаго, не ожидали даже близко непріятеля. Сосредоточивъ все вниманіе на выстрѣлы у «чертова мѣшка», бѣдняги вдругъ были встрѣчены залпомъ трехъ или четырехъ сотъ винтовокъ и дробью выстрѣловъ по протяженію балки. Оба офицера были убиты на поважъ; большая часть казаковъ убиты или переранены; остальные смѣшались, сторопѣли: кто спѣшился, а кто поворошилъ коня въ гору; но другой залпъ—и выскочившіе изъ балки горцы положили пашками остальныхъ людей. Намъ все это было видно намъ на ладони; но ни предупредить, ни выручить своихъ не было никакой возможности: мы сами были на шагъ отъ той же участи. Гарнизоны укрѣпленія Ахметъ-Горскаго и поста Шалеховскаго, видя истребленіе ставропольскихъ сотенъ съ своихъ вышекъ, поспѣшавшіи къ намъ на выручку. Едва раздались орудіиные выстрѣлы, встревожившіе атакующихъ насъ горцевъ, Ягодимъ, съ пашкой на голо, бросился впередъ, и мы прорвали густыя массы непріятеля, не взрав на градъ пуль, буквально насъ осыпавшихъ. Не удержали и кручи отчаяннаго прорыва. Орудія вынесены были почти на рукахъ, и едва установились на окраинѣ котловины, какъ запрыгала картечь по кучамъ сбитагося непріятеля, попавшаго въ перекрестный артилерійскій огонь. Отхлынула масса, насъ давившая, и мы примкнули къ ротѣ изъ Ахмета

и полуротѣ изъ Шалоха при двухъ орудіяхъ подвижной гарнизонной артилеріи, соединившихся надъ «чортовымъ мѣшкомъ», Храбрый Ягодинъ не далъ опомниться скопищу. Живо были направлены орудія на главную массу съ фронта и, въ то же время, цѣхота и казаки, послѣ дружнаго залпа, бросились съ обоихъ фланговъ.... Они одрокнули сборище въ Дабу. Горцы, не ожидая такого оборота дѣла, во того смѣшались, что кучились и толпились на цѣву, какъ ата-ра барановъ, и много, много унесла Дабя внизъ труповъ джигитовъ и влѣ коней. Жажда жести одушевляетъ весь отрядъ; едва можно было удержатъ солдатъ и казаковъ не бросаться въ воду для преслѣдованія. Вотъ уже и величавая луна стала надъ рѣкой, серебра и передвигаясь въ волнахъ быстро летѣвшихъ, а выстрѣлы не умолкали.... Скопище бѣжало безъ оглядки и скрылось за густыи мѣсомъ Ахметскаго ущелья. Дать бой и преслѣдовать было бы неразумно: люди выбились изъ силъ, патроны почти цовыпущены всѣ.

Подобравъ убитыхъ и раненыхъ въ котловинѣ и во время преслѣдованія горцевъ, мы остановились на посту Шадоховскомъ; но, не взирая на утомленіе шести или семи-часовымъ отчаяннымъ боемъ, по преимуществу въ «чортовомъ мѣшкѣ», гдѣ во истинѣ выдержали адскій огонь, мы не могли заснуть въ мадалькѣ душной казармѣ поста: досада на первоначальную удачу горцевъ грызла наше самолюбіе; истребленіе на глазахъ нашихъ двухъ сотенъ болѣзненно отзывалось въ душѣ. Такъ мы промаялись до утра. На утро гарнизону Шадоховскаго поста приказано было подобрать тѣла ставропольцевъ и предать землѣ; среди ихъ оказался живымъ только одинъ молодой казакъ, весь порубленный и впоследствии ослѣпшій, отъ рапъ.

Не взирая на значительную потерю нашу, на истребленіе двухъ сотенъ, полковникъ Ягодинъ, по передовой реляціи, всемилюстивѣе пожалованъ генераль-маіоромъ, и всякій изъ насъ, бывшій въ этомъ гибельномъ дѣлѣ, въ душѣ сознавалъ, что награда эта Ягодинымъ была заслужена вполне и добросовѣстно.

Не замедлили и другія награды: каждый получалъ должное и, не одна грудь казака и солдата украсилась георгиевскимъ крестомъ. Единственный оставшійся въ живыхъ казакъ Николаевской станицы получилъ Георгія: а во время посѣщенія Кавказа нашимъ Августѣйшимъ Атаманомъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, удостоился особой милости, обезпечившей будущность безроднаго сѣнца. Въ дѣлѣ этомъ убиты его отецъ и два брата.

XXV.

ЖИВОЙ ПРИЗРАКЪ.

Между станицами Баталпашинской и Суворовской (*), на покатои мѣстности высится одинокии кургаль, какъ сторожевой часовой, надъ привольной, роскошной долиной, стелющейся богатымъ ковромъ кругомъ на десятки верстъ. На дальнемъ горизонтѣ, на востокъ, въ безоблачномъ небѣ, синѣютъ Бешту и Машука (**), дымакъ густымъ туманомъ, вѣстникомъ непогоды, тогда такъ заходившее солнце золотить вершины юго-западнаго склона снѣжнаго хребта, идущаго отъ Эльбруса къ Черному Морю. Въ это время дивная панорама поражаетъ невольнo взоръ каждаго съ «сторожеваго кургана» долины, и всѣ видимые предметы принимаютъ гигантскіе размѣры, обманывающае зрѣніе; будто что-то таинственное звучитъ въ воздухѣ, поражая ухо. Но не любитъ запоздалый путникъ дивной картиной.... Суевѣрный страхъ невольнo западаетъ въ душу при взглядѣ на таинственнаго стража долины: будь то горецъ, или казакъ, онъ невольнo сдерживаетъ коня, чутко насторожившаго ухо, и съ каждымъ шагомъ близясь къ нему по пролегающей у подошвы его дорогѣ, вьющейся змѣей, между кустовъ шиповника и дикой розы, бросаетъ взоръ тревожно кругомъ, какъ-бы готовясь пустить летѣть лахаго скакуна отъ невѣдомой страшнаго напасти. Еще тревожище забьется сердце непривычнымъ страхомъ, поравнявшись съ курганомъ: рука невольнo хватается оружіе, а конь, какъ бы чуя недоброе, рвется на поводяхъ, ускоряя торопливыи неровныи шагъ....

Преданіе о грозномъ всадникѣ «сторожеваго кургана», перешедшее отъ горцевъ къ казакамъ, гласитъ, что здѣсь было совершено страшное убійство, и что тѣнь убитаго казачка (***) съ зава-

(*) Хоперскіе казаки первоначально заняли земля въ окрестностяхъ Ставропольской крѣпости—нынѣ губернской городъ—но часть ихъ генераломъ Суворовымъ, впоследствии знаменитымъ фельдмаршаломъ, кавказемъ Италійскимъ, переселены по правой сторонѣ рѣки Бубани, и станица Суворовская (5-я хоперской бригады), названа по имени своего знаменитаго основателя.

(**) Бешту, или Бештау «пять головъ», и Машука—самыя большія горы изъ пяти горъ, окружающихъ кавказскія минеральныя воды, Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Эсентуки и Кисловодскъ.

(***) У азіатцевъ, вообще, есть древній обычай, дѣтей почти со дня рожденія отдавать на воспитаніе другу, жена котораго дѣлается, такимъ образомъ, кормилицей и воспитательницей ребенка, т. е. аталычкой. Аталыкъ же, по возвратѣ своего питомца, даетъ ему уже окончательное воспитаніе, уча наѣдничеству, плутовству на всѣ руки, какъ высшій курсъ образованія—и это родство, молочное, уважается какъ святыня, нерѣдко считается если не выше, то равно кровному.

Прим. авт.

томъ солнца появляется на вершинѣ кургана, въ бѣлой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, и съѣзжая на встрѣчу путника, равняется съ нимъ и скачетъ, дунъ страшнымъ вихремъ въ лицо и въ уши коня, до тѣхъ поръ, пока оба, обезумѣвъ, изнеможенные падаютъ безъ чувствъ или умираютъ со страха. Едва же первые лучи востока золотили вершину кургана, страшный всадникъ бросалъ свою жертву, и опять появлялся на вершинѣ его, и, вперивъ огненный взоръ въ Карачаевскимъ горамъ, исчезалъ, уходя въ нѣдра земли.

Пользуясь этимъ преданіемъ и суевѣрнымъ страхомъ горцевъ, передающихъ изъ рода въ родъ все чудное и таинственное о мѣстностяхъ, какъ обычный завѣтъ, урядникъ Суворовской станицы, Переворзевъ, лѣтъ около пятидесяти назадъ, не только спасъ свою жизнь, но и разогналъ партію хищниковъ, являсь живымъ призракомъ «сто-рожеваго кургана».

Служебная надобность призывала Переворзева въ Баталпанскъ. Дорогой онъ наѣхалъ на стаю дикихъ козъ—и страстный охотникъ, забывъ все, увлекся преслѣдованіемъ ихъ.... Охота была удачна. Утомясь самъ и загонявъ до изнеможенія коня, онъ остановился отдохнуть и покормить боеваго товарища въ кустахъ на курганѣ, рассчитывая еще далеко до заката быть въ станицѣ. Пустивъ стреноженнаго коня, онъ прилегъ, не думая уснуть; но предатель-сонъ овладѣлъ утомленнымъ охотникомъ, и онъ проснулся, когда уже пергорала заря позади синѣющагося лѣса за Кубанью. Невольный страхъ овладѣлъ душой стараго казака при воспоминаніи о всадникѣ—мертвецѣ.... Торопливо внуздавъ коня, онъ повелъ его съ кургана, осматривая тревожно окрестность, и уже спустился до половины, какъ неожиданно появившіяся на горизонтѣ высокаго берега Кубани движущіяся точки, быстро приближавшіяся, то соединялись въ кучу, то рассыпались, а между тѣмъ росли, освѣщаемыя послѣднимъ проблескомъ закатившагося солнца. Вотъ уже и простымъ глазомъ казакъ различаетъ всадниковъ, ѣдущихъ крупной рысью... Казакамъ въ это время и по этому направленію ѣхать не зачѣмъ.... Опытный хоперъ, замаскированный кустами, поднялся на самое почти темноты кургана, зорко слѣдя за приближающимся врагомъ. Партія горцевъ, человекъ пятнадцать, не доѣзжая съ версту до кургана, поѣхала шагомъ, громко перебрасываясь словами. Думалъ—было хлопъ отсидѣться невидимой въ кустахъ, да, завидѣвъ татарку, казачья кровь заговорила, закипѣла ключемъ, а тутъ недавно испытанный самимъ страхъ при одномъ воспоминаніи о мертвецѣ, да старая услужливая память о преданіи поджигали попытать счастья продебютировать въ

роли живаго приврака сторожеваго кургана. Случай же, какъ нарочно, ухитрился прислужить. Переверзевъ былъ въ бѣлой черкескѣ, въ бѣлой папахѣ и на бѣломъ конѣ. Едва успѣла мелькнуть эта блаженная мысль, она уже была въ ходу.... Быстро вскочивъ на коня, онъ медленно поднялся на самую вершину, и, озаренный послѣднимъ проблескомъ зари, казался исполиномъ. Горцы, занятые жаркимъ споромъ, казалось, забыли о страшномъ мѣстѣ; но у одного изъ нихъ споткнулся конь и, спохватясь, шарахнулся въ сторону съ дороги. Глаза всѣхъ невольно обратились на курганъ, съ его колоссальнымъ всадникомъ. Преданіе ожило въ памяти; страхъ оковать раскудокъ горцевъ, и они, поворота коней, пустились обратно въ-скачь отъ грознаго видѣнія. Переверзевъ, видя такой удачный успѣхъ своей продѣлки, съ оглушительнымъ гикомъ, какъ ураганъ, слетѣлъ съ кургана и погнался за оторопѣвшими джигитами, съ шашкой надъ головой и винтовкой на погонѣ лѣвой руки.... Нагнавъ перваго горца, онъ на скаку хватилъ его съ плеча шашкой; отчаянный предсмертный вопль несчастнаго суевѣра слился съ гикомъ живаго мертвеца и окончательно поразилъ паническимъ ужасомъ ошеломленныхъ хищниковъ: они безъ оглядки неслись къ Кубани.... Еще восьмерыхъ изрубилъ удадой урядникъ, а горцы, видя обгонявшихъ ихъ испуганныхъ коней убитыхъ, пуше гнали своихъ, пока бросились съ кручи въ Кубань.... На плаву ранавъ изъ винтовки горца, Переверзевъ снялъ шапку, набожно осѣнилъ себя крестомъ и шагомъ побѣжалъ на ближайшій постъ. Разказавъ тамъ свою «оказію», онъ и нѣсколько товарищей переловили лошадей убитыхъ и на утро притащили въ станицу ихъ тѣла. Подвигъ Переверзева былъ доведенъ до свѣдѣнія командующаго войсками, генерала-отъ-кавалеріи Эмануэля, и храбрый урядникъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена Св. Георгія.

Горцы, спасшіеся благодаря силѣ и крѣпости своихъ коней, въ ужасѣ разказывали по ауламъ о страшной гибели своихъ товарищей, пораженныхъ рукою жертвена сторожеваго кургана. Страхъ окрылялъ воображеніе и создалъ дѣйствительность: старое преданіе ожило, украшенное вдобавокъ азіатскимъ хвастливымъ расказомъ, со всѣми прикрасами чудснаго и сверхъестественнаго, и ничто, и ничто не могло переувѣрить и одолѣть суевѣріе горцевъ.

Прошло съ тѣхъ поръ около полувѣка; но запоздалый горецъ, а, пожалуй, и иной казакъ, близясь къ кургану, невольно робѣеть и гонить коиа, озираясь кругомъ, пока скроется за горизонтъ страшный свидѣтель легендарнаго преступленія—сторожевой курганъ.

Нѣсколько разъ приходилось и мнѣ дѣлать поѣздки днем и ночью мимо кургана. Въ одну изъ такихъ, случайно былъ моимъ полутчимъ старикъ, какъ лувъ съдой, отставной урядникъ Переврѣвъ: отъ-то мнѣ рассказывалъ всѣ подробности здѣсь переданныя, въ подтвержденіе которыхъ есть въ архивѣ хоперской бригады подробное донесеніе объ этомъ происшествіи.

XXVI.

ЯКУБЪ-ХАНЪ (*).

За Кубанью появился ренегатъ Якубъ-ханъ. Объ этой личности говорили горскіе лазутчики, что являея нѣсколько лѣтъ назадъ къ Шамилю, какъ посланецъ изъ Турціи, онъ былъ привлеченъ имъ остаться у него въ званіи намба и топчи-баши (т. е. на-мѣстника и главы артилеріи), и заняться устройствомъ дѣтейныхъ и пороховыхъ заводовъ съ мастерами.

Немало прошло времени, пока личность Якубъ-хана обрисовалась. Разновременные собранныя свѣдѣнія подтвердили, что Якубъ-ханъ былъ не кто иной, какъ польскій выходець, бѣжавшій изъ Сибѣра за-границу (и пробравшійся въ Турцію, гдѣ принялъ Исламъ и во-веденъ султаномъ въ званіе хана. Онъ былъ артилерійскій поручикъ войскъ польскихъ; фамилія его Якубовичъ.

Горцы такъ много говорили о его универсальныхъ знаніяхъ и о постоянныхъ занятіяхъ съ новѣданными инструментами, съ которыми онъ копался въ горахъ; онъ окружалъ себя такою тайнственностію, что немногіе даже князья и старшины удостоивались съ-стать съ нимъ бесѣдовать... Они, а за ними и всѣ горцы, благого-вѣли предъ мудрымъ всезнайкой Якубъ-ханомъ: т. Привезенный на образецъ его фабрикаціи пороховъ; дѣйствительно, былъ недуренъ, особенно полированный, отдѣланный изъ мѣстныхъ матеріаловъ, хорошо очищенныхъ; образцы которыхъ лазутчики черазъ доставляли намъ... Вліяніе на умы горцевъ Якубъ-хана возрастало все болѣе и болѣе, и его слово, его совѣтъ были непреломимъ законъ въ горахъ... Но, сообразивъ все это вѣстѣ, оказалось, что съ появленіемъ какой-то личности, во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ, у Шамилія

(*) Надо замѣтить, что титулы: султанъ, ханъ, бекъ и проч., у азіатцевъ вообще становятся послѣ собственнаго имени, и тогда они означаютъ его достоинство; если же говорятся предъ именемъ, то рѣшительно ничего не означаютъ болѣе, какъ простое имя — и могутъ принадлежать простому люду — а не какъ сюнъ, а къ сюнъ, т. е. бѣлая, благородная каста, и въ геральдическомъ значеніи не имѣютъ мѣста.

оказались собственной фабрикаціи орудія, снаряды и порохъ, и при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго аула Ахульго, резиденціи имама въ 1839 году, найдены разнаго рода машины самодѣльнаго устройства, удовлетворявшія технику по своему назначенію, что и впоследствии обнаружилось при взятіи съ боя резиденцій Шамиля Дарго, Веденя и другихъ.... Устройства эти и самое производство работъ, равно и довольно толковое образованіе состава имамовской артилеріи не могъ же сдѣлать бывший фельдцейхмейстеръ Шамиля, бѣглый фейерверкеръ Никитянь, пьяница и отъявленный полуграмотный негодяй. И такъ это было дѣло Якубъ-хана.

Сильное вліяніе на горцевъ пана Якубовича крѣпко не понравилось начальнику кубанской линіи генералу Зассу, и онъ обѣщалъ за голову его приличную сумму. Много было конкурентовъ попытаться счастья, да горцы зорко стерегли и охраняли своего пэната и добраться до него не было никакой возможности; самъ же онъ не участвовалъ въ набѣгахъ, живя далеко въ неприступныхъ горахъ. Но жажда жорысти нашла охотника на отчаянное и трудное дѣло... Явился къ генералу армянинъ, житель Альмавирскаго аула (на лѣвомъ берегу Кубани, противъ крѣпости Прочно-Окопской), Давудъ Багировъ, съ предложеніемъ добыть голову Якубъ-хана, если, сверхъ обѣщанныхъ денегъ, ему дадутъ «опицеръ», т. е. награждать чиномъ. Обѣщалъ и это генералъ. Багировъ велъ иѣновую торговлю въ горахъ и тамъ пользовался, если не довѣріемъ, то полнымъ уваженіемъ, какъ капиталистъ. Онъ уже неразъ видалъ Якуба, продавалъ ему привезенный по заказу товаръ, и, своею точностію и акуратностію, заслужилъ его расположеніе. Этихъ-то и надѣялся Давудъ воспользоваться. Все чаще и чаще началъ онъ ѣздить въ аулъ Якуба, который невольно поддавался вліянію, какъ вещи необходимой, хитрому армянину, видя въ немъ далеко не дюжинную голову, и уже никакъ не считая опасной личностію своего почти-тельного слугу. Каждая поѣздка въ горы все болѣе и болѣе сближала ихъ.... Наконецъ Якубъ-ханъ, вѣроятно случая, пригласилъ Давуда погостить у него день, другой. Ловкій проходимецъ воспользовался этимъ—и ловко распорядился....

Два дня и двѣ ночи они были неразлучны; и на третьи сутки Давудъ, отблагодаривъ своего высокаго покровителя, распростился съ нимъ, обѣщая вскорѣ возвратиться, лишь покончить свои торговые дѣла по смежнымъ ауламъ. Остался въ саклѣ, стерегомый двадцатью или тридцатью горцами, одинъ Якубъ-ханъ и улегся спать ранѣе обыкновеннаго, не приказавъ никого впускать къ себѣ.... Между

тѣмъ, Багировъ, съ заводнымъ конемъ и съ своимъ братомъ, отправившись на арбѣ по дорогѣ въ дальніе аулы.... Около полуночи Давудъ возвратился одинъ въ аулъ Якуба, и, какъ тать, огородами пробрался къ его саклѣ (надо сказать, что сакли Якуба была единственная въ горахъ по своей обширности и убранству; она имѣла два окна съ растворчатыми стекольчатыми рамами, и одно спальни выходило на огородъ; Давудъ, передъ отъѣздомъ, ловко и незамѣтно отодвинулъ задвижки рамы); тихо отворилъ онъ окно, проскользнулъ въ саклю и, притворивъ его, самъ подползъ къ изголовью кровати и притаился.... Якубъ—ханъ спалъ глубокимъ; тяжелымъ, предсмертнымъ сномъ, озаренный тусклымъ свѣтомъ молодого мѣсяца.... Поднялся Давудъ на ноги, какъ тѣнь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и притаялъ дыханіе, чтобы унять біеніе сердца и пульсовыхъ жилъ... Ловкимъ и могучимъ ударомъ онъ отдѣлилъ голову Якуба отъ туловища.

Вздохнулъ полной грудью армяшка, но не выдержала жадная натура: онъ снялъ се стѣвы дорогой, украшенный камнями, кинжалъ убитаго, и захватилъ его шкатулку съ деньгами (въ ней было до тысячи червонныхъ).... Тѣмъ же путемъ и также ловко удалось Давуду добраться до своей арбы и скрыть въ ней свою добычу.... Всю ночь они скакали, что только было мочи у коней, и на разсвѣтѣ уже были далеко отъ мѣста преступленія....

Голова была представлена; деньги получены сполна. Казалось, повидимому, все было шито да крыто, и Багировъ избѣгъ «канлы», т. е. кровавой мести. Горцы всего менѣе подозрѣвали его, полагая, что это была работа черноморскихъ пластуновъ.... Такъ прошло около года; осторожный Давудъ хотя и ѣздилъ въ горы на сатовку по прежнему, но уже большею частью по ближнимъ ауламъ, а въ дальніе посылалъ своихъ приназчиковъ....

Побѣсновались, поискали горцы убійцы, и, повидимому, угонялись.... Все это время Багировъ сохранялъ не только отъ соульниковъ свою продѣлку, но даже отъ семьи, и, кромѣ брата его, вскорѣ умершаго, никто не зналъ и не подозрѣвалъ хитреца. Однако жадная натура не выдержала: Давудъ въ Ставрополѣ продалъ мовдонскому армянину кинжалъ и дорогую шкатулку Якубъ—хана.... Кинимъ путь горы добрались до имени убійцы по этимъ примѣтамъ, осталось тайной. Расторговался новый прапорщикъ, «капецъ большой рука», т. е. богатый купецъ; «духанъ» его, т. е. лавка, былъ лучшій на всенъ Прикубань.... Дивились армяне необычному счастью и начали доискиваться источниковъ золотаго руна; но

все, что было, только тѣнь, а не предметъ... Случилось такъ, что Багирову необходимо было съѣздить въ горы въ недалекие гуды за расчетомъ, и, воя, онъ самъ-другъ, на двухъ пароконныхъ арбахъ, отправился въ путь. Дѣла, его шли отдично; обороты округлили довольно уже значительный капиталецъ, и онъ уже мечталъ перенести торговлю въ Ставрополь, чтобы тамъ открыть магазинъ на большую руку. Съ такими мыслями возвращается Давудъ домой; усталость лошадей и наступившій полдень заставили мечтателя остановиться на раздѣлхъ. Выпрягли коней; доргаши, раведи, костеръ и стали готовить бишь-бармакъ и шапшакъ, т. е. крошеное мясо въ водѣ и жаркое на шомполѣ (буквально бишь-бармакъ означаетъ «пять пальцевъ», такъ какъ, его ѣдятъ пятерней); сняли съ арбы и бурдюкъ (мѣхъ) съ кахетинскимъ и добрую флягу араки, и готовились уже закусить... Въ это время надъ самими ихъ долами раздался грубый голосъ: — «Ей, бегеча, ни хабаръ?» (ей, ребята, что новаго?). Поднявъ оторопѣвшаго головы, армяне увидели за собой всадника и увидели въ немъ самаго отчаяннаго хаджарета и вожака партій. Хамурзина, а за нимъ человекъ десятокъ такихъ же годоворѣзовъ... Эта встрѣча, а главное нецеремонный вопросъ вожака, вмѣсто обычнаго привѣта, «аманъ-ма, или «эсселамъ-адей-кюмъ!» неволью заставилъ дрогнуть нечестую совѣсть Давуда.

— «Хабаръ ѣтъ достумъ!» Новаго нѣтъ, другъ! будь робкій отвѣтъ, и затѣмъ, жадая задобрить нежданнаго «дусдыара», гостя, Давудъ всталъ и предложилъ раздѣлять походную трапезу. Молча спѣшились всадники, потреножили коней, спустили подпружги, и пустились пасть на црғалицу, вмѣстѣ съ армянскими лошадьми. Затѣмъ одинъ изъ джидтовъ вѣлѣвъ на дерево... Все это показывало, по-видимому, самое мирное настроеніе; осторожность же не мищедѣло въ близости порубежной границы, такихъ сосѣдей, какъ казаки. Армяне поуспокоились... Ставили съ арбы Багировъ большой цвѣтной «узукъ», достелъ, разостлалъ его для почетнаго гостя, прося Хамурзина присѣсть, самъ же притащъ на корточкахъ и принялся рѣзать ломтики «пешдека» (овечій сыръ)... Да, все это Хамурзинъ, казалось, очень благосклонно смотрѣлъ своими чрезвычайно живыми и блестящими глазами, и какъ будто что-то соображалъ... Неожиданно появилась улыбка, искривившая дерболицескою величныи ротъ его; онъ быстро подошелъ къ Давуду и сказалъ: «Аллахъ-коймасынь-кяфыръ!» Да не попустишь Богъ, невѣрный, и мнѣ дѣлать съ тобой объѣдъ! «Бирекъ-буль, кучюкъ!» держись собака! И прежде чѣмъ успѣлъ вскочить на ноги оторопѣвшій армяшка, онъ

уже былъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Ту же участь раздѣлилъ и его товарищъ.... Только теперь горцы припались за обѣдъ и, сдѣлавъ, ему полную честь, какъ и водкъ, начали шарить по арбамъ, доставая, все что было съѣстнаго....

Бѣдняги со страха почти потеряли сознание. Недоумѣвая и не подозрѣвая будущей участи, они безсмысленно смотрѣли, какъ Хамурвинъ велѣлъ запрячь арбы и положилъ на нихъ армянъ, какъ какой-нибудь хламъ.... Завылъ, взмолился Багировъ хаджирету; но онъ, съ товарищами, молча повезли ихъ въ горы. Къ ночи плѣнники были уже въ ямѣ, окованные по рукамъ и ногамъ конскими цѣпями, въ аулѣ Якубъ-хана. Черезъ нѣсколько дней собралось челоуѣкъ до двадцати князей, старшинъ и узденей и начался допросъ и судъ Багирова, обвиняемаго въ убійствѣ Якуба, по показанію мздоокаго армянина, купившаго кинжалъ и шкатулку покойника (которые, однакожь, благоразумный доказчикъ, не показавъ горцавъ, умѣлъ во-время хорошо событь, какъ водится, съ барышемъ). На всѣ истязанія Багировъ одно твердилъ: «валлахъ, биллахъ, уны-ультердымъ!» ей ей не я убилъ....

Шариатъ опредѣлилъ пытать несчастнаго огнемъ. Его потащили за аулъ на кладбище, привязали къ древесному стволу, натаскали хворосту, обложили кругомъ на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ.... Запылавъ сухой хламъ; страшная пытка началась: одежда на армянинѣ тѣла, кожа допалась; воля страдальца заглушалась звѣрскимъ хохотомъ горцевъ, но Давудъ переносилъ все, и сознание въ убійствѣ не сорвалось съ его языка.... Вечерѣло; огни начали потухать.... густой дымъ душилъ мученика; онъ лишился чувствъ.... Холодный и сырой разсвѣтъ оживилъ его; кругомъ могильная тишина успокоила немного душу, но тѣло страдало ужасно, жажда мучила, онъ уже не надѣялся ни на что, и предстоящія мученія не ужасали болѣе....

Нежданная помощь была не за горами: видно смерть не думала еще развернуть свой казовый конецъ, и счастливая звѣзда Багирова еще высоко стояла на горизонтѣ....

Генералъ Зассъ получилъ свѣдѣніе, что въ аулѣ Якубъ-хана собралось въ большомъ числѣ вліятельныя личности для какого-то совѣщанія; онъ хорошо зналъ эти сѣзды и ихъ результаты, а потому рѣшилъ захватить врасплохъ горскій сеймъ.... Быстро былъ собранъ конный летучій отрядъ въ Прочномъ Окопѣ, и въ ночь, сдѣлавъ суворовскій переходъ, генералъ предъ свѣтомъ находился верстахъ въ двухъ отъ аула въ глубокой лѣсистой балкѣ. Баталіону

пѣхоты, ротѣ саперовъ и дивизиону пѣшей артилеріи велѣно было съ обозомъ идти форсированно по сѣздамъ конницы и занять тѣсь, окружающій аулъ. Съ появленіемъ предъразсвѣтной зари, войска летучаго отряда двинулись къ аулу. Три сотни казаковъ, прикрытые густымъ туманомъ, какъ призраки, пронеслись за аулъ съ двухъ сторонъ и охватили его цѣпью.... Взлетѣла сигнальная ракета и шлагъ ея не разорвался еще, а окрестность уже вздрогнула, потрясенная гуломъ пяти конныхъ орудій.... Казаки ворвались въ аулъ, чаще и чаще сыпалась ружейная пальба и пошла потѣха страшной рѣзни. Запылали сакли и огонь, гонимый вѣтромъ, широкимъ потокомъ разливая пламя, охватилъ весь аулъ; поднявшійся вихрь крутилъ цѣлыя стаи огненныхъ галокъ, далеко бросая ихъ, зажигая запасы хлѣба и сѣна, окружавшіе аулъ.... Между тѣмъ, выглянувшее-было изъ-за ближнихъ высотъ солнце скрылось за нахлынувшія сизыя тучи, какъ бы стыдась за людскую вражду, и небольшой дождикъ освѣжилъ воздухъ, пропитанный гарью.... Аулъ былъ истребленъ до тла. Немногимъ удалось спастись, и то бросаясь съ кручи въ шумящія волны Багулла.... Легко раненый Хамурзинъ и человекъ пять старшинъ и узденей, да два муллы захвачены живьемъ.... Быстро отрядъ отступилъ къ тѣсу, уже занятому пришедшей пѣхотой и остановился на большой полянѣ передъ нимъ на раслахъ.... Запылали костры; казаки принялись усердно готовить себѣ обѣдъ изъ отбитой баранты и скота такъ же покойно, какъ будто и не участвовали въ рѣзнѣ.... Плѣнныхъ отвели въ тѣсь къ пѣхотѣ, не приказавъ тамъ разводять огней, а приготовить пищу съ казаками. Сосѣдніе горцы, встревоженные нечаянною нападеніемъ, грозно скликались по вершинамъ тѣсистыхъ уступовъ скалъ надъ ущельями, окружающими мѣстность.... Все предвѣщало жаркую схватку при отступленіи....

Полубогрѣбый Багировъ, еще подходившими къ аулу казаками былъ отвязанъ и переданъ для перевязки страшныхъ язвъ.... Теперь онъ лежалъ, принесенный на буртѣ, предъ генераломъ, сидѣвшимъ на камнѣ, и рассказывалъ свои плачевныя походы, пересыпая ихъ стономъ и всевозможною бранью.... Молча, изрѣдка улыбаясь, слушалъ его генералъ, и вдругъ, быстро вставъ, приказалъ привести Хамурзина.... Нужно было видѣть всю злобу и ненависть этого разбойника, когда ему рассказали про дѣлу Багирова съ Якубханомъ.... Этотъ свирѣпый звѣрь упалъ на колѣна, какъ бы смертельно раненый, но вдругъ, быстро поднявшись на ноги, онъ обратился къ генералу, умоляя его отпустить; онъ влялся быть самымъ

вѣрными работѣ и давалъ выкупъ какой только потребуютъ... И когда его спросили, что такъ ему хочется поскорѣй свободы, онъ рѣшительно и смѣло отвѣтилъ: «убить мошенника Багирова».

— Хорошо, сказалъ генераль, я вѣрю твоему слову и знаю, что ты проповѣдуешь своимъ, которые вѣрятъ тебѣ, какъ морану: я тебя оставляю здѣсь на мѣстѣ, только привязавшаго на деревѣ...

Обрадовался горецъ, испугался полуживой армянинъ.... Приказано было саперамъ заложить, около высокаго обгорѣлаго дуба, четыре мины и къ нимъ провести стонны.... Часа въ четыре дня, отрядъ двинулся обратно, а Хамуринъ, привязанный къ дереву на 8—9 аршинъ отъ земли, остался. Онъ не видѣлъ работъ, слѣдовательно не могъ знать о заложённыхъ вокругъ дерева минахъ.... Мы отошли около версты, не тревожимые горцами, ждавшими, повидимому, начать стрѣльбу, нагъ только подойдемъ къ ущелью, унаправшемуся въ лѣсъ и далеко идущему по немъ равными отрогами. При входѣ отряда въ ущелье, горцы бросились не преслѣдовать отрядъ, а къ дереву, на которомъ сидѣлъ Хамуринъ, окружили его густой толпой пѣшихъ и конныхъ и принялись хлопотать онять своего вожака.

Стопинъ былъ подоженъ....

По истинѣ ужасна была картина взрыва: дрогнула земля и колебалась, намъ казалось, подъ нашими ногами; вырвалось цѣль земли огромное пламя и въ клубахъ густаго чернаго дыма взлетѣли къ небу кони, люди, камни, земля и дерево.... Все это, обожженное, взорванное на куски, долетало до самаго почти отряда.... Онъ медленно подвигался къ Бѣлой, не тревожимый горцами.... Какое-то тяжелое чувство невольно охватило каждого при видѣ страшнаго картины истребленія. На мѣстѣ взрыва стоялъ густой столбъ дыма, мало по малу разгоняемый налетавшимъ вѣтромъ; когда онъ разсѣялся, дубъ исчезъ: кругомъ его валялись груды обгорѣлыхъ тѣлъ....

Ужасъ горцевъ былъ такъ великъ, что они не преслѣдовали отряда; потеря ихъ, по словамъ лазутчиковъ, была болѣе 500 человекъ.... И безъ того уже страшное имя Засса сдѣлалось ужасомъ въ горахъ....

Армянина Багирова я встрѣчалъ потомъ нѣразъ, и послѣдній разъ видѣлъ его въ 1860 году въ Ставрополѣ. Онъ все еще ходилъ въ бинтахъ и компрессахъ, послѣ своей огненной ванны, и, попрежнему, кривлялся, улыбаясь широкой улыбкой; только голова его и усы были бѣлы какъ лунь, а глаза потеряли блескъ и были мутны точно оловянные; онъ уже плохо ими видѣлъ, хотя все еще плутовалъ торгую

съ горцами. Однако на поѣздѣ въ горы его уже ничто не заманить и калачемъ....

Отрядъ, переправясь рѣку Бѣлую, остановился на открытой мѣстности, окруженной, какъ рамкой, густымъ лѣсомъ, изъ-за котораго, синѣя на розовомъ небосклонѣ, озаренномъ, закатывающимся солнцемъ, тѣснились уступы Черныхъ Горъ... Запылали костры; вездѣ хлопоталъ людъ, готовя роскошный боевой ужинъ изъ некупленной, а добытой провизіи.... Около полуночи все утомилось; только изрѣдка кое-гдѣ вспыхивалъ огонекъ костровъ, поддерживаемый очередными ночными.... Часа за два до разсвѣта отрядъ двинулся вверхъ по правому берегу Бѣлой....

Мало-по-малу становилось свѣтлѣе; подулъ сильнѣе вѣтеръ съ востока; горы ясно обозначились на горизонтѣ; облака стали прозрачнѣе и зарумянились по краямъ. Наконецъ, солнечный лучъ вырвался изъ-за облака и весело бросился на землю, разгоняя передъ собою тьмоту....

Изъ окраины лѣса раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; пули со свистомъ пролетѣли надъ головами... Всѣ встрепенулись и оживились.... Отрядъ поднялся.

Правая цѣпь завязала перестрѣлку.... Вотъ уже пронеслись въ карьеръ два конныхъ орудія, снялись съ передковъ, и, вслѣдъ за охватившимъ ихъ облакомъ дыма, грянули выстрѣлы.... Мы приближались къ Моршгумскому ущелью, гранитные уступы котораго фантастически рисовались на голубомъ безоблачномъ небѣ, тогда какъ черная его пасть, волнуясь густымъ поднимавшимся къ солнцу туманомъ, вѣшала недоброе.... На уступахъ, по обѣ стороны ущелья, идущаго извилиной, шириной на ружейный выстрѣлъ, мѣстами лѣпились башенки, сложенные изъ плитняка и крупнаго глыша, на глинтѣ, съ черѣбующими бойницами. Горцы были сброшены въ глубь лѣса, и небольшая часть ихъ кинулась на высоты, спѣша занять проходъ ущелья.... Отрядъ остановился. Генералъ приказалъ двумъ ротамъ пѣхоты и сотнѣ спѣшенныхъ казаковъ, раздѣленныхъ по равной части надвое, взобраться на уступы ущелья по слѣдамъ горцевъ и выбить ихъ изъ башенокъ и изъ-за каменьевъ: иначе отряду предстояло бы проходить, какъ сквозь строй, между выстрѣлами.... Быстро тронулись молодцы вправо и влѣво къ высотамъ.... вотъ они уже на уступахъ, подсаживаютъ другъ друга или протягиваютъ руки и ружья, помогаютъ товарищамъ взбираться выше и выше; начали на тропинки, и смѣльчаки быстро появились на самомъ гребнѣ, не обращая вниманія на завязавшуюся между ними и засѣвшими гор-

цами довольно частую перестрѣлку. Какъ дикія козы быстро мелькали горцы по уступамъ, залегая за камни и забирая башенки, но солдаты и казаки по слѣдамъ ихъ отвсюду выбивали.... Эта игра въ прятки недолго длилась: штыкъ и шашка вездѣ дошупывались, и горцы, не занявъ ущелья, быстро скрылись за лѣсными отрогами... Благодаря этой распорядительности, отрядъ двинулся и прошелъ безъ всякой потери своего рода Чернопильскій проходъ, который если бы непріатели успѣли во время занять, такъ пришлось бы порядкомъ поплатиться отряду.... Но мы шли съ генераломъ Зассомъ, а наша вѣра въ него была безпредѣльна.... Выбравшись изъ ущелья, отрядъ быстро спускался по крутой покатой мѣстности къ великолѣпной равнинѣ, разстилавшейся роскошнымъ ковромъ, среди которой горные протоки, сверкая струей, отражали лучи играващаго солнца.... Вдали видѣлись аулы, а за ними синѣлъ сплошной массой густой синий лѣсъ и бѣлѣла снѣжная цѣпь хребта, рѣзко отдѣлявшаяся на безоблачномъ голубомъ небѣ....

Неожиданно вдали раздались орудійные выстрѣлы, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднялся густой дымъ, среди котораго глухо слышалась, привычному уху, частая ружейная пальба.... Мы недоумѣвали.... Дѣло объяснилось просто: генераль приказалъ двумъ баталіонамъ пѣхоты и восьми сотнямъ казаковъ, при шести легкихъ пѣшихъ орудіяхъ и четырехъ горныхъ единорогахъ, выступить изъ станицы Батапашинской и идти прямо за Бѣлую, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы они, одновременно съ нашимъ отрядомъ, открыли дѣйствіе и начали бы жечь по лѣвой ея сторонѣ аулы, тогда какъ онъ самъ громилъ по правой; сверхъ того, изъ черноморскихъ станицъ посланы были два довольно сильные отряда для той же цѣли въ низовья Кубани. Это тройственное вторженіе поставило горцевъ въ невозможность взаимнаго вспоможенія, и аулы, предоставленные однимъ своимъ средствамъ защиты, не могли упорно сопротивляться, а быстрые переходы отъ одного къ другому, и по большей части въ направленіи всего менѣе ожидаемомъ, не позволяли имъ, при отступленіи отрядовъ послѣ погрома, собираться по лѣснымъ трупамъ, и потому потеря ихъ была огромна не только въ людяхъ, скотѣ, но и въ хлѣбныхъ запасахъ. Цѣлыя засѣянные нивы были потоптаны.... Однимъ словомъ, гдѣ только проходили отряды, оставляли за собой слѣдъ полнаго истребленія, добываясь и до сокровенныхъ тайниковъ горскихъ логовищъ; такъ что жители бросали аулы и скитались въ глубинѣ лѣсныхъ трупобъ, захвативъ почти только то изъ имущества, что въ торопяхъ попадало подъ руку. Не

разъ попадались намъ по дѣсамъ отдѣльныя семьи, искавшія спасенія; ихъ забирали почти безъ сопротивленія.... Эта тройная экспедиція, продолжавшаяся пятнадцать дней, названа горцами «зассовской дорогой»: такъ она была ужасна по послѣдствіямъ своимъ погромомъ.... Наконецъ, близъ Тамовскихъ высотъ, оба отряда соединились, обремененные добычей и плѣнниками, и начали медленно отступать на Кубань.... Одновременно возвращались по станицамъ и черноморскіе отряды.... Горцы, пораженные паническимъ страхомъ, сильно упали духомъ, и прошло немало времени, пока они опомнились и принялись за старое....

Это была почти послѣдняя экспедиція генерала Засса: вскорѣ онъ оставилъ Кубань, и горцы вздохнули свободнѣй. Но другая грозная туча уже собиралась надъ ихъ головами: грянулъ громъ съ Лабинской линіи, брошенный могучей рукой основателя ея П. А. Волкова, и длинный рядъ побѣдъ были славнымъ и заслуженнымъ ея достояніемъ....

Во все время экспедиціи, оба наши отряда понесли потери до трехъ сотъ убитыми, ранеными и оборвавшимися съ кручей въ пропасти.

Адоллонъ Шпаковский.